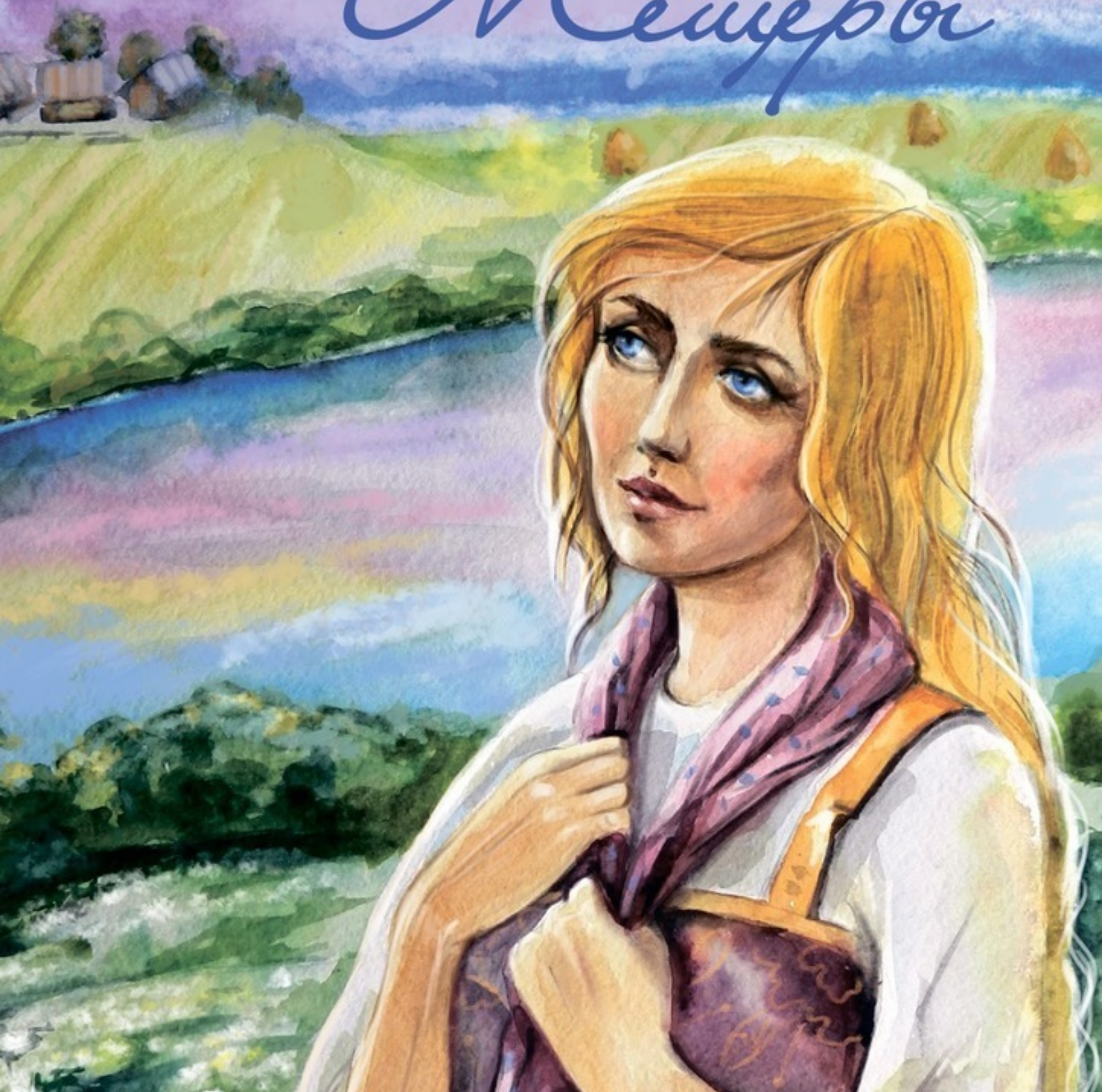

Юрий Леонов

На краю
Меицёрва

Юрий Леонов
На краю Мещёры

«Издательские решения»

Леонов Ю.

На краю Мещёры / Ю. Леонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906886-6

Почти полвека назад купили мы избу под Рязанью, на берегу Оки. За эти годы исподволь сроднился я с этой землей и соседями по древнему селу Костино. О том, чем они дороги мне — эта книга...

ISBN 978-5-44-906886-6

© Леонов Ю.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО	7
1. КОСТИНО И ОКРЕСТ	10
СВОЙ, РУБЛЕННЫЙ, У РЕКИ...	10
ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ	13
ПРОВОЖАТЫЙ	14
ТИХИЙ ЗВОН	16
ОКОЕМОВО	20
РОДОМ ИЗ ЛАСКОВО	22
РОДИЛАСЬ В СЕЛЕ ИКОНА	25
2. БЫЛОЕ	28
ДОМ БЕЗ ХОЗЯЕВ	28
НАСЛЕДСТВО КОРОЛЯ	31
ВСЕМ МИРОМ	39
ВСТРЕЧА	42
ПОКАЯНИЕ	44
БЫВАЛЬЩИНА	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

На краю Мещёры

Юрий Леонов

© Юрий Леонов, 2018

ISBN 978-5-4490-6886-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Сорок лет назад купили мы избу под Рязанью, и с той поры жизнь моя словно бы раскололась надвое. Зимой – горожанин. Летом – сельский житель. За столько лет исподволь сроднился я с этой землей, где родилась покладистая моя теща, где на бугре, давшем нам пристанище, сделал свои первые шаги сын Олег.

Не сразу возникла потребность запечатлеть то, что тронуло душу, и тех, с кем делил здесь радости и горести. Но с той поры, как сделал первую запись, стараюсь не оставлять без внимания ничего из характерных мгновений быстро ускользающего сельского бытия.

Лелею надежду, читатель, что и вам сумею передать в коротких всплесках минувшего частицу трепетного нежданного чувства привязанности к «стране березового ситца», как некогда сказал об этой земле живший неподалеку русоволосый паренек.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Есть на белом свете места, привораживающие слух самим названием своим. Необъяснимой музыкой созвучий, зазывной, как сладкоголосое пение сирен: Чара, Костеньга, Арги-Паги... А приедешь в какую-нибудь Великую Кему – все та же россыпь окуренных дымами изб вдоль вырубки, как в соседней Максимовке. Чем дальше живешь, тем меньше иллюзий. А музыка остается другим. Хранит душа лишь отголоски трубных ключей.

Таким зазывным словом с детства была для меня Мещера. Чудилось в названии лесного края, лежащего в излучке Оки, нечто дремучее и замшелое – очень подходящее место для притаившихся среди выворотней леших и татей, а то и самого Соловья-разбойника. Подозреваю, что повинна в такой присухе была не только висевшая над головой географическая карта, но и один из поводырей моего отрочества Константин Паустовский. Помните из «Мещерской стороны»?

«Леса в Мещере разбойничьи, глухие. Нет большего отдыха и наслаждения, чем идти весь день по этим лесам, по незнакомым дорогам к какому-нибудь дальнему озеру.

Путь в лесах – это километры тишины, безветрия. Это грибная прель, осторожное перепархивание птиц. Это липкие маслоки, облепленные хвоей, жесткая трава, холодные белые грибы, земляника, лиловые колокольчики на полянах, дрожь осинового листвяка, торжественный свет и, наконец, лесные сумерки, когда из мхов тянет сыростью и в траве горят светляки.» Чарующие, бередящие воображение строки...

В июне шестьдесят второго, когда заканчивал учебу в Москве, вдруг выдалось три свободных дня. Куда сбежать от обрыдлой столичной колготы?.. Да вот же она, Мещера, совсем близко...

С первой электричкой добрался до Коломны, успел на речной трамвай, отправлявшийся вниз по Оке, и за полдень один-одинешенек сошел на берег у какой-то деревеньки, за которой рыжевато светился обласканный солнцем бор.

Веяло илистой свежестью с реки. Припудренная пылью дорога звала за косогор. Веселые огоньки мышинового горошка да фиолетовые всплески тимьяна и мяты обещали праздник душе. Все начиналось по писаному, как виделось издали. Оставалось только разуться. И по теплой, бархатистой, проселочной, через пиршество трав и цветов заливного луга...

Пиршества не было. Минут десять, доверяясь причудам дороги, петлял я среди пересохших впадин и бочагов. Потом, отмежевавшись от проселка, пошагал к деревеньке напрямик, и скоро оценил свою опрометчивость. Широкий ров тянулся поперек луга, зияя глинистыми отвалами и хлябью растерзанных гусеницами мочажин. Вода зеленела вдоль кромки, тиха и недвижима.

Пришлось отшагать немало, прежде чем удалось перебраться на другой берег по зыбкому помосту. Огромный заливной луг умирал, это ясно было и не специалисту. Кто-то что-то не рассчитал, кто-то слишком поспешно взял под козырек, кто-то откровенно схалтурил в погоне за выработкой...

Когда я спросил у благообразной старушки, попавшейся на окраине, зачем пытались осушить пойму, она лишь обреченно махнула ладонью:

– У кого ума нет, своего не добавишь... Такие травы стояли – не прокосить!

Привал я рассчитывал сделать, добравшись до леса. И хлеб, и колбасу тащил в рюкзаке. Оставалось купить фляжку молока, если повезет, то парного, хранящего теплоту и запах луговой вины. Увы, как поведала бабуся, в этой деревне последнюю корову сдали на ферму по весне. Если только поспрашивать в соседней, где еще держат двух буренок...

Запястья у бабуся перевязаны были лохматыми шерстяными нитями, как принято у многих доживших до старости, страдающих от ревматизма доярок. Она кривенько улыбнулась и развела руками, извиняясь за то, что ничем не смогла мне помочь, а у меня дрогнуло и сжалось сердце от жалости.

О новейших запретах и ограничениях косить траву и держать скот в личных хозяйствах приходилось слышать и ранее. Но надо было добраться до этой потонувшей в луговом раздолье деревеньки, увидеть эту извинительную улыбку, чтобы почувствовать, до каких нелепостей докатилась обнищавшая русская деревня... Я поклонился бабуся и торопливо зашагал к светящемуся вдали бору.

Перекусить удалось в кампании рыжих запасливых муравьев, на берегу едва народившегося в топкой елани ручья. Настоянная на отмерших травах вода отдавала горьковатой свежестью и прохладой. Яркие лучи сочились сквозь хвою, зажигая вдоль лощин медовые блески калужниц. Высоченные сосны сторожили обещанное безветрие, пропитанное запахами грибной прели, пронизанное пересвистом птиц... А праздника души не было и в помине. Не верилось в эту осененную красотами леса благодать, едва отойдя от бескоровной, доживающей свой век деревеньки.

...На кордоне, в бревенчатой обители лесника, приютившего меня на ночь, клопы до самого рассвета дожирали остатки моих иллюзий по поводу здешнего бытия. Наутро, отблагодарил хозяина за постой, мне оставалось только спросить, как добраться до ближайшей пристани на Оке.

– Приходил-то зачем? – прищурясь, спросил сутуловатый кряжистый лесник, так и не уяснивший из вечерней беседы, какая нелегкая занесла меня в глухомань.

– За ягодой, – брякнул я.

– А-а... Эк тебя завернуло, – недоверчиво покосился он на потощавший рюкзак. – Земляника-то, верно, пошла, пошла... Может кузовок возьмешь? Дырявый, верно, да ежели соломки подстелить... Ну гляди, гляди, коли сам грамотный... – и стал напутствовать меня спокойно и рассудительно.

Набухшее влагой небо припугнуло крупными каплями дождя и пощадило залетного. Острее запахло прошлогодней листвой. Глухими, забородевшими ельниками, светоносными березняками, чистыми, словно ухоженными сосновыми борами повели меня по Мещере вековые натоптанные тропы. То вели, то уводили...

К полудню, изрядно поплутав и не повстречав ни души, вышел я на обширную пустошь, за которой угадывались изгибы реки. Слабо наезженная дорога струилась в ту сторону. Под стрекот кузнечиков шагало по ней легко и бодро.

Не сразу обратил я внимание на странную особенность этой пустоши. Наготой своей походила она на выбитое копытами пастбище, но без признака навозных куч. Вдоль опушки трава была скошена, а стогов сена не виднелось окрест. Дорога вдруг истаяла, а вместо нее запестрели вокруг ямы, очень похожие на... воронки.

Зазубренный, с хищным блеском кусок металла, слишком знакомый по военному детству, чтоб его не узнать, заставил тревожно оглядеться. Полигон... Хорошо, если артиллерийский, тогда, прежде чем начать стрельбы, наверняка привезут мишени. А если предназначен для бомбардировщиков, которые сбрасывают свой груз «по площадям»?..

Лишь далеко за пустошью попала табличка, обратная сторона которой предупреждала: «Стой! Опасная зона. Проход строго воспрещен».

Долгий гудок судна прозвучал как приветствие из другого, привычного мира. Блеснула сквозь редколесье слюдяная серость реки...

С Мещерой я прощался на дебаркадере Белоомута, куда перед полуночью должен был пристать пароход на Москву. Берег обволакивали сумерки, придавая таинственность и дальним огонькам, и ускользающему изгибу плеса, за который уже не суждено было заглянуть.

Мнилось, будто столь скоротечная встреча с землей древнего племени мещер так и останется единственной, и никогда уж не доберусь до затерявшихся в чаще озер, где в темной воде дремлют черные, заплывшие жиром окуни.

Можно ли было предположить, что минут года, и совсем неподалеку отсюда, на другом изгибе реки, вниз по течению, стану я смотреть на мещерские дали с крыльца своего дома, что вместе с женой и сыном босиком по росным луговым травам станем паломничать в древнюю монастырскую Солотчу, где была написана «Мещерская сторона» и вот эти строки, справедливость которых дано было оценить лишь с годами:

«Я люблю Мещерский край за то, что он прекрасен, хотя вся прелесть его раскрывается не сразу, а очень медленно, постепенно...»

1984 г.

1. КОСТИНО И ОКРЕСТ

СВОЙ, РУБЛЕНЬИЙ, У РЕКИ...

Помнится, мы вовсе не собирались покупать этот дом. Всю долгую зиму договаривались, какую снимем дачу, снимем непременно, потому что в двухкомнатной квартире на бывшей Третьей Мещанской, нас жило шестеро, и хоть дубовые подпорки надежно страховали потолок кухни от нового падения, все же неудобно было ходить мимо этих колонн. Дом обещали капитально отремонтировать еще в 1914 году, да все оказывалось недосуг...

Впрочем, вполне возможно, что разговоры о даче стали навязчивыми оттого, что новорожденный сын слишком громогласно заявлял о своих правах на чистый воздух и парное молоко. Так или иначе, намерение снять дачу было единодушным, разнились только пожелания. Хорошо, конечно, если бы повезло снять хотя бы полдома, недалеко от Москвы, вблизи от водоема, за умеренную плату, и чтобы еще... Обычно такие разговоры наводили тоску своей несбыточностью, и тогда немногословная теща со вздохом говорила о земле своего детства:

– А у нас в Костино как все зацветет вокруг – глаз не отвести.

И басовитый тесть за чаркой охотно поддакивал, что таких привольных мест – поискать да поискать.

И вечная хлопотунья Кок Паня, воспитавшая без родителей не только сестру, то есть мою тещу, но и четверых ее детей, тоже с дрожью в голосе говорила:

– Да, у нас в Костино и вода-то – со здешней разве сравнишь.

Все они уехали сюда с Рязанщины еще в многообещающие годы нэпа, и прошлое маячило позади в закатной розовой дымке.

– Так, может, в Костино и снимем дачу? – встревал я в эти вздохи.

– Далеко, – сокрушенно подытоживал тесть. – Под самой Рязанью.

И прения стихали до новых разговоров на ту же тему. Но однажды этот четко отлаженный механизм сбоил. Мы собрались с тещей, Ольгой Максимовной, спозаранку, и перед полуднем сошли с автобуса в Костине.

Март уже согнал снег с окрестных полей, но пропитанная вешними водами земля еще дышала прохладой. Мы тащились по грязной, расхлюстанной колесами улице к избе, в которой когда-то жила теща, и, глядя на серые крыши за серым частоколом изгородей, на голые ветки деревьев, вздетых к серому, набухшему влагой небу, я думал:

«Ну вот, еще одной легендой стало меньше на свете. Все мы подобны моей жене, которая лускала в детстве такие вкусные, маслянистые, в меру прожаренные семечки, а ныне, сколько не пробует – все не те...»

У родственницы нашей Марии Захаровой погостевали мы за столом в той самой избе отца Ольги Максимовны. Старожилы до сих пор вспоминают о нем как об искуснейшем садовод. После долгих женских пересудов: кто жив, а кто далече, совсем было настроились мы возвращаться. Да вспомнила хозяйка:

– Разве что тетка Параня... Муж то у нее, богомаз, недавно помер. Так она в доме почти и не бывает. Все у Нины, у дочки. Может, с ней и договоритесь – тоже родня. Дом ее у реки...

– Хорошо бы, – боясь сглазить удачу, только и сказала Ольга Максимовна.

Все той же улицей, но уже более чистой, с уцелевшим покровом гусиной травки, мы не прошагали и ста метров, как вдруг попятнулись избы и я словно бы вознесся над грешной землей. Такая неоглядная, опоясанная рекою, окантованная сиреневатой бахромой мещерских лесов ширь, распростерлась из края в край. Душа тихо ахнула и замерла. Когда-то Николай

Михайлович Карамзин сказал по этому поводу: «Если бы меня спросили: «Чем никогда нельзя насытиться?» Я отвечал бы: «Хорошими видами.»

Как узнал я позднее, в древности такие высокие берега над Окой, откуда распахнуто открываются дали, называли «Прости». От слова «простыя», обозначающее прощение, освобождение от болезни, исцеление.

– Вот как у нас! – заметив мое состояние, с гордостью сказала Ольга Максимовна.

Я согласен был снимать здесь дачу, как бы плоха она не оказалась. Но все вышло удачней, чем ожидалось. И старый деревянный дом над рекой оказался еще справным, и живописна усадьба при нем с раскидистыми кронами яблонь, и покладиста хозяйка, предложившая без всяких околичностей:

– А чего вам снимать – покупайте дом, да и живите, дорого не возьму...

Пока не сделали мы этой покупки, пожалуй, не задумывался я, что значит для человека свой дом. Воспитанный в традициях коммуналок, уделом большинства моих сверстников, с детства считал я дом всего лишь необходимым, судьбой ниспосланным пристанищем. Быть может, тому способствовали частые переезды, связанные с работой отца, а потом и моей работой. На новом месте находилась новая квартира. Хорошо, если она была теплой и не слишком тесной. Если холодной и неудобной – тоже дело привычное: что есть, то есть.

Сам дом олицетворял некую общность живущих в нем. Он спланировал нас в трудные годы, когда нужда и лишения равняли всех. Он отдалял друг от друга, когда достаток стал вносить разность. Кочевая жизнь приучила меня быстро сживаться с новой обителью, быстро знакомиться с соседями. И когда покидал это место, жалел, что расстаюсь со всем привычным, отлаженным, как будто оставлял там частицу самого себя.

И все же то был очередной наш дом, о котором заботилась некая коммунальная контора – уделом ее было прокручивать через себя все новые поколения постояльцев. Сам я был отчужден не только от забот о здоровье и долголетию нашего дома, но и от традиционных мужских

хлопот о топливе, воде и бане. Так, вроде, и было задумано: облегчить быт горожанина. Облегчили. И это благо, бесспорно. Правда, никакой радиатор не заменит пляшущее пламя в печи, гулкое потрескивание поленьев, запах стелящегося от очага дыма, точно так же, как никакая водопроводная... Но не о том речь...

Только пожив годы в деревенском доме, стал ощущать его как живое существо со своим укладом и своим искони присущим ему духом, с обретенными хворями и лишь ему памятным прошлым, от которого остался в красном углу иконостас, вскоре сворованный, в матице – кольцо для люльки, на чердаке – старая деревянная утварь.

Свой дом – своя обитель, которую можешь ладить и прихорашивать на свой манер, по своему вкусу и разумению. Во все времена это было одним из самых наглядных способов самовыражения человека. А в условиях засилья ширпотреба и унификации всего, что окружает наш быт – особенно.

Свой дом – свои заботы и в огороде, и в саду. За коллективную землю отвечают все штаты специалистов от колхозно-совхозных до министерских. За свою – один ты в ответе, переложить эти обязанности не на кого. Не оттого ли личный приусадебный участок используется в несколько раз эффективней, чем земля в общем хозяйстве? К этой истине возвращаемся трудно, признаем ее постепенно, со скрипом, но в конечном счете вынуждены будем пойти на самые радикальные перемены – брюхо прикажет, выражаясь языком наших предков.

Свой дом – свое особое место на земле, которое все крепче привязывает тебя к округе: к соседям, к лугам и перелескам, к самой непролазной заразе, как еще недавно звали в срединной России чертоломные заросли оврагов, к робко гулькающему роднику, от которого берет исток не только ручей или речка, но и святое слово Родина. Когда мы произносим его, то все же вспоминаем при этом не городскую безликую многоэтажку и светофор на загазованном асфальтовом перекрестке, а, то, что истари питало в человеке чувство прекрасного на земле – первозданность природы.

Только с годами, благодаря старому дому на окраине рязанского села, пришло ко мне понимание того, что самые удивительные открытия лежат не за семью морями, а совсем рядом – стоит лишь приглядеться внимательней.

1989 г.

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

Копая картошку, и время от времени даю отдых глазам вглядываться в разворошенную лопатой землю. Разгибаюсь, гляжу окрест, и не могу наглядеться уже который год.

Дивная ширь распахнуто лежит на три стороны, и через всю эту необъятность, то исчезающая за излучинами, то взблескивая дугами дальних плесов, течет Ока. Повернешься налево – за развалом холмов, по которым рассыпалось стадо, за позолоченными осенью перелесками вознесся к небу, как перст, ажурный остов Пощуповской колокольни. Посмотришь прямо – за конопушками копен на заливных, зеленеющих отавой лугах, за пестрыми крышами Солотчи сизой щетиной встают боры бескрайней Мещеры. Глянешь направо – за курчавыми строчками тальников и гладью нив опоясали горизонт строения древней Рязани... Все краски русского приволья сошлись здесь, оттеняя и дополняя друг друга. Так бы и любоваться до сумерек наедине с этой ширью. Но – делу время...

Картошка нынче уродилась мелкая. Кладешь поклон за поклоном, а ведро все полно лишь наполовину. Как вдруг пробилась в меня щемящие сердце кличи. Похожи были они на журавлиные, но в то же время не курлыканье, а возбужденный птичий грай – тоска и смятение.

Поднял голову – поодаль от соседнего села Пощупово вертелась в небе странная карусель. Две стаи кружили, словно догоняя друг друга. Чуть погода в парящем коловороте угадалась слаженность движений одной крупной стаи. И еще стало очевидно, что карусель все же смещается, но не к югу как должно бы в эту пору, а на восток, пересекая пойму Оки. Все глуше, глуше кличи над осиянной долгожданным солнцем долиной. Такой нарядной, в бликах зелени и багрянца, она явила себя считанные минуты назад. И столь надрывно звучали над поймой голоса журавлей, что не понять их было невозможно.

Птицы прощались с Родиной. Прощались так, будто никогда больше не видать им этих милых сердцу просторов. Вещие птицы, им ли не знать, сколь тернист дальний путь в поднебесье. Еще немного... Да, вот уж только один клич, требовательный, зовущий остался в небе, клич вожака. Повинуясь ему, стая вытянулась длинной, углом станицей и мерно заколыхалась к югу.

1985 г.

ПРОВОЖАТЫЙ

От нашего дома в Константиново ведут несколько дорог, но мы предпочитали самую нехоженую из них. Припорошенными пылью проселками, луговыми, едва приметными стежками, обычно спозаранку, отправлялись мы, отпускники, втроем, всей семьей на поклон к земле, вскормившей Сергея Есенина. А в этот раз, когда гостил у нас школьный приятель сына, договорились избрать иной, кратчайший маршрут.

Утром вдоль обочин искристо сверкали росы, обещая ясную устойчивую погоду. Лесная, обметанная белой кипенью лабазника тропа вывела нас к тихой деревеньке Кривоносово.

Мы миновали последний из домов, когда под ноги выкатились из травы два рыжих кома – большой и маленький. Собаки встретили нас как давних знакомых, обнюхали, приветливо помахали хвостами и потрусили впереди, как будто только и ждали попутчиков в дальнюю дорогу.

Сухощавая, с обветренным лицом хозяйка дома, узрев беглецов, громко окрикнула с порога:

– Барон! Кузя! Вы куда это, гулены? А ну, марш домой! Трусивший вторым щенок беспокойно завертел кудлатой головой и остановился, прижав уши.

– Кому я сказала?! Сейчас же домой!

Уж так не хотелось меньшому возвращаться, но голос был властен и строг – попробуй послушаться... И, оглянувшись на нас, с повинной опущенной головой побежал щен обратно, к дому.

Совсем иная реакция на угрозу была у рыжего ушастого, с грубо стачанной шлеей ошейника дворняги. Он не отреагировал на окрики даже тогда, когда голос хозяйки обрел грозные оттенки. Мы тоже подключились к тем уговорам, даже ногами топали на собаку, прогоняя ее, впрочем, без энтузиазма, ибо решимость Барона составить нам добрую компанию несомненно подкупала своей безоглядностью. Пес трюхал и трюхал впереди, игнорируя все посулы, верный какому-то своему, не ведомому людям предназначенью.

Так стало нас пятеро. Сначала мы думали, что Барон проводит нас до ближайшей лесополосы, потом – до шоссе. Но пересекли и асфальт, минули еще одну деревеньку, а пес не обнаруживал ни малейшего желания возвращаться.

Барон был молодым, но весьма воспитанным псом. Он не лез под ноги, не заглядывал в лица с искательным выражением, а, соблюдая дистанцию шага в три, невозмутимо возглавлял шествие. Казалось, Барон знал маршрут лучше нас – так безошибочно выходил он на нужную тропу. И уж наверняка пес был более сведущ в лесных таинствах. Во всяком случае, именно там, где он остановился впервые, из травы нежданно-негаданно проглянула маслянисто-бордовая шляпка подосиновика. Кто бы мог подумать, что в середине июня лесопосадка порадует нас грибами?..

За Раменками проселок вывернул на луга, даль распахнулась до нежной кисеи березовых рощ, и вместе с запахом цветущего клевера и ромашки, трелями зависшего в зените жаворонка пролилась в душу такая незамутненная синева неба, что замолчали даже ребята, пылящие босиком впереди.

«Не видать конца и края,
Только синь сосет глаза...»

– отозвались в памяти полузабытые строки.

И угловатые отроки наши зримо напомнили вдруг русоволосого парнишку, не однажды ходившего этой дорогой и годы спустя возвращавшегося сюда не раз, чаще в памяти, чем воочию:

Несказанное, синее, нежное,
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя – поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз...

Когда за разливом ржи видны стали отдельные домики в Константинове, мы устроили привал под дубом, на рубеже, как зовут здесь границу между соседними хозяйствами. Съели по бутерброду. Барону досталось вчетверо больше – за деликатность.

– Ну, все, – постарался я объяснить псу в последний раз. – Проводил нас почти до места, потрапезничали за компанию, и довольно, беги домой, а то хозяйка совсем тебя потеряла. – Я даже прошелся назад, надеясь увлечь за собой дворнягу. Все же виноватыми чувствовали мы себя перед Бароном: возвращаться-то рассчитывали на автобусе, без него.

Недоверчиво поглядывая на меня, пес протрусил рядом ровно столько, сколько отошел я в обратную сторону. «Неужто не видишь, как хорошо мне на воле?» – прочел я в собачьих глазах, и стоило лишь остановиться да оглянуться, как Барон обрадовано бросился к ребятам.

Пока мы были в музее Сергея Есенина, пес терпеливо ожидал нас. И вот уже подкативший «Икарус» гостеприимно распахнул свои двери. Уговор был такой: пса в автобус не звать, но если запрыгнет туда сам, то попытаться отвезти его обратно. Я был уверен – такая смышленная собака найдет дорогу домой. Но пес столь преданно смотрел с асфальта на нас, усевшихся в мягкие кресла, что подумалось и другое: наверняка побежит за автобусом, пока хватит сил.

Вот уже вошла в салон и начала продавать билеты кондукторша, водитель включил мотор... Пес неотрывно следил за нами, молотя хвостом и ерзая всем телом от нетерпенья. И кто-то из отроков наших, не выдержав, шепнул:

– Барон...

Через миг из под сиденья ребят торчало только рыжее ухо. Пассажиров было немного. И пожилая, обходительная кондукторша сделала вид, что не заметила хвостатого безбилетника.

Так мы и домчались впятером не до Костинского поворота, как собирались, а дальше, и прежней дорогой возвратились к тому самому дому на окраине Кривоносова.

Хозяйка словно и не уходила с порога. Подперев руками бока, она встретила нас как злоумышленников:

– Милиция вас не догнала?

И хоть ясно было, что «тетя шутит», голос ее не обещал ничего доброго ни нам, ни Барону. Напрасно мы пытались смягчить участь пса, расхваливая его воспитанность и тем самым как бы признавая некие заслуги хозяйки дома. Она дернула Барона за ошейник и поволокла за собой, приговаривая, что такому блудне одно только место – на цепи, а нам – еще где-то, очень и очень далеко.

И в этот день, и на следующий жена ждала, что вот-вот появится у нашей калитки знакомая морда с вислыми ушами и застенчивым взглядом желтых глаз: «Подумаешь, на цепи – порвет, он такой!» А на третий день пошел дождь, теплый, обильный. Он наглухо смыл все следы на дороге, ведущей в лесную деревеньку Кривоносово.

1985 г.

ТИХИЙ ЗВОН

Пошел по воду, и присох на бугре. Мерная переключка колоколов доносилась с верховьев Оки, от Пощупово, где более полувека молчала звонница Свято Иоанно-Богословского монастыря. Звук катился в дремотном воздухе упруго, почти осязаемо. Смутный сонм воспоминаний колыхнулся во мне и затих, внемля благовесту. Кто позвал меня издалека, куда?..

Поколение мое выросло без церкви, без веры во всемогущество Бога. Иную веру пытались привить нам, чтобы заполнить непредсказуемый духовный вакуум – веру в грядущее всеобщее счастье. Ради ее торжества приносились такие жертвы, каких не знала история. Но вера – не Молох, ее не насытишь кровью. С духовной же пищей было скудно, куда скудней, чем с хлебом насущным. И как ни взбадривали чаянья наши призывами и лозунгами, грядущее торжество не стало доступнее и ближе.

Может быть, и вовсе лишнее бремя – некая вера, покоящаяся на высших идеалах добра и справедливости? В наш-то рациональный, компьютерный век... Что проку от нее? Голодного не накормит, страждущего не напоит. Разве что душу согреет, разум очистит, волю укрепит... Да ведь и про душу столько были наслышаны, как о коварной выдумке церкви. И ныне, пожиная горькие плоды бездуховности, все чаще признаем, что нравственные ориентиры едины, как у библейских заветов, так и у кодекса коммунистической морали. С каким же «тлетворным влиянием» столь истово мы боролись?..

Такие ли мысли, иные ли заронил в меня плывущий над долиною колокольный звон. Помню иное: как поутру отправился на встречу с воссиявшим заново куполом храма.

Тропа струилась сначала влажным лугом, потом под пологом лиственного леса, где в начале прошлого века еще росли могучие, в три обхвата дубы, а ныне кудрявятся жидкие последыши исполинов, и, наконец, вывела меня торная к Святому роднику, как зовут источник селяне. Память о случаях чудотворных исцелений его водами монастырские книги хранят вместе с описанием белокаменной пятиглавой часовни, красовавшейся на берегу ручья, и купален для паломников обоего пола, желавших избавиться от хворей.

Всякий раз, проходя здесь мимо бетонного обшарпанного кольца, из под которого выбивались светлые струи, я с наслаждением зачерпывал пригоршней студеною ключевую чуть сладящую свежесть. По сторонам лучше было не смотреть. Разор и запустенье венчали глухие заросли татарника и крапивы. На месте пещерных тюрем отшельников в склоне холма смердели грязные ямы.

Велико же оказалось удивление мое, когда вместо бетонного жерла увидел я в это утро аккуратную кирпичную кладку. Над ней еще не высилась крыша, но площадка вокруг была ухожена, а руины часовни расчищены от бурьяна. По свежеструганному желобу сбегала говорливая струя. Вопросов не было: вернулись хозяева.

Слухи о предстоящей передаче церкви строений Иоанно Богословского монастыря ходили по селу еще осенью. И верилось, и не верилось в них. Мало осталось в Пошупово стариков, помнящих, как в тридцатом году, сразу после празднования Троицы враз опустела обитель. Всю братию отправили по этапу, как чуждых новой власти элементов.

С тех пор каких только превратностей не пережили строения бывшего монастыря. По кирпичику разобрали селяне на хозяйственные нужды высокие монастырские стены. Один каркас остался от церкви Успения Божьей Матери. Три дня, как вспоминают старожилы, горела колокольня, под которой умудрились разместить склад горюче-смазочных материалов. Учащимся местного профтехучилища давали разнарядку: каждому за учебный год сбить со стен Успенского храма, расписанного в прошлом веке московскими мастерами, по одному квадратному метру изображений святых. Кто-то из будущих специалистов, наверное, даже ходил в передовиках, перевыполнив норму...

Помнила обитель похожее лихолетье, когда в 1764 году государство отобрало у монастыря все земли, переведя его в третий, низший разряд, и только спустя век отдало наделы. За это время, при пустой казне строения обветшали настолько, что негде было проводить службу. Даже в главном храме не осталось ни иконостаса, ни пола.

Помнил монастырь и иные времена, когда слава о нем разносилась по всей России. Зимой 1237 года после разгрома Рязани, наслышавшись о богатствах этой обители, хан Батый подступил с войском к ее стенам. Однако, как сказано в летописи, видение Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова было столь ярким, что ослепленных им воинов охватил ужас. В раскаянии хан Батый не только отказался захватить монастырь, но даровал ему охранную золотую печать...

...На вершине холма, у кирпичных стен собора Иоанна Богослова меня встретила бойкая перекличка молотков: плотники разбирали строительные леса, жестянщики ладили цинковую крышу. Над их головами купался в голубизне только что позолоченный, увенчанный крестом купол.

У входа в храм было пустынно. Лишь русоволосый парень в светлой рубахе задумчиво ожидал кого-то. Я заговорил с ним, приняв за строителя. Отвечал он немногословно, пока беседа не коснулась монастырской братии.

- О братии вам лучше поговорить с отцом Вениамином. Сейчас он выйдет.
- Простите, а вы...
- Послушник я.

Что-то привычно дрогнуло во мне, отозвавшись на слово. И плавная манера речи, и прямодушие взгляда – все истолковалось иначе. Послушание, смирение, кротость... Неужели где-то они еще в чести? Доныне лишь в кино доводилось видеть послушников. От тех давнишних фильмов осталось впечатление, как от базарного лубка, не претендующего на правду; расплывчатый образ некоего щедедушного и бесхребетного, по нашим меркам, существа. Что общего между теми послушниками и этим спортивного сложения парнем, уверенным в своей правоте? С какими ветрами попал, смиренный, в эту обитель? Но к откровениям он явно не был расположен.

– Скоро ли постриг?

– Как сподоблюсь.

Отцу Вениамину на вид не было и сорока. Густая черная в оклад борода оттеняла поредшие кудри. В движениях грузноватой, облаченной в рясу фигуры сквозила усталость. Он подошел к парню, пытливо глянул в лицо, и они тихо заговорили. Покаяние в том, что без должного усердия блюдетя обет, батюшка принял и грех отпустил, и благословение дал. Все это с мягкой участливой неторопливостью, не позволявшей даже заподозрить, что эконома-строителя архимандрита Вениамина одолевают множество иных, более неотложных забот.

Я тоже попал под чары этой неторопливости, и когда батюшка остался один, подошел к нему с разговором. Хотелось, помимо прочего, узнать, неужели, как уверяли селяне, кирпич для реставрации монастыря везут сюда из Франции.

Отец Вениамин умудрено покачал головой: у слухов длинные ноги. Не впервые спрашивают его о заморском кирпиче, так же как о несметных средствах на возрождение обители – будущей резиденции митрополита Рязанского. Кирпич завозят из подмосковного поселка Голицыно, где действует французская установка по производству его, отсюда и заблуждение. А на реставрацию пока что смогли отпустить лишь триста тысяч рублей. Восемь храмов вновь передано верующим Рязанской епархии в этом году, и каждому из них нужна срочная помощь. Конечно, трехстами тысячами дело не ограничится. Приход начал действовать, значит будут пожертвования и вклады. Чтобы завершить восстановление монастыря к 1995 году, понадобится несколько миллионов рублей.

Мне вспомнились уникальные строения Соловецкого монастыря, где государственные реставрационные мастерские долгие годы вели работы по восстановлению обветшавших зданий, но не всегда удавалось поддерживать их хотя бы просто в сохранности. Конечно, и средства мастерам отпускались не те, что требовались, но и сама работа была организована кое-как. Здесь же я не заметил ни одного курящего или прохлаждающегося без дела, хоть трудилось вместе с братией шестьдесят наемных рабочих. Дисциплинировала не только оплата – тридцать рублей в день, чувствовалась рука умелого организатора.

«Интересно, кем хотелось стать в детстве отцу Вениамину?» – подумалось под взглядом темных пытливых глаз. Разумеется, спросил я совсем о другом: где найти сведения об истории обители. И пока батюшка отвечал, разговор наш прерывался неоднократно: обратился за срочным советом мастер, задержались на минутку спешащие на автобус паломники из Ленинграда и Печоры Псковской области, припылил долгожданный подъемный кран...

Мы взаимно извинились, договорившись продолжить беседу в более подходящее время. Из шатровой колокольни семнадцатого века, где шла утренняя служба, доносилось слаженное мужское многоголосие. Ему громко аккомпанировали молотки жестянщиков...

Возвращался я той же дорогой, вдоль берега. У Святого колодца набирали воду в бутылки и канистру двое пожилых паломников: сутуловатый, с тяжелыми руками мастерового мужчины и простолицая женщина в стоптанных туфлях. Полные икры ее ног оплетали набухшие вены.

Пока я напился из горсти, паломники разместили сосуды по хозяйственным сумкам, но медлили уходить. Женщина спросила, не знаю ли молитвы к Иоанну Богослову. Мне пом-

нилось лишь, что Откровением Святого Иоанна Богослова – по-гречески Апокалипсисом – завершается Библия. Но это было совсем не то, о чем спрашивала верующая.

– Ну что ж, – вздохнула она. – скажу, как знаю.

Женщина замерла перед колодцем, молитвенно склонив голову, и начала привычной скороговоркой:

– Святый Апостол Иоанн Богослов, моли Бога о мне, грешной, будь добр. Молитву тебе творю не по писанному, ты уж извини мя, грешную. Спаси и помилуй. Дай очистить пред тобой душу мою...

Мужчина стоял в стороне, отрешенно глядя на ускользящую меж дубняка тропу.

– ...Спаси, Господи, и помилуй старцев и малых деток, сирот и хворых, в бедах и скорбях пребывающих, ненавидящих и обидевших мя, творящих мне пакость... Будь милостлив, Господи, к страждущим и покинутым, к странникам в морях и в пути идущим...

С тем напутствием я и отправился домой. И пока не сомкнулись за спиною деревья, все доносились от колодца слова молитвы за всех нас, грешных, неверующих, плывущих в морях, витающих в облаках, погрязших в земной юдоли.

1989 г.

ОКОЕМОВО

Давно собирался завернуть в Окоемово, уж очень полнозвучное, ласковое для слуха название. Сама деревенька лежит в стороне от тракта на Новоселки, с большака не видна, на туристских схемах не обозначена. Вроде ее и вовсе на свете нет, хоть была когда-то селом. Лишь для тех, кто проплывает мимо Окой, приметны на крутояре конопушки деревянных домишек.

Возвращался из Новоселок от приятеля и завернул в деревеньку к вящему любопытству здешних старушек: кто таков, почему ничей порог не переступил, а торчит как пень на юру, высматривая окрест невесть что. Заговаривали со мной и так, и эдак, но напрямую спросить, зачем, мол пожаловал, постеснялись. Мне тоже объясняться не хотелось, так и остался я для бабусь, вероятно, одним из хитромудрых горожан, которые ныне все чаще приглядываются к полузаброшенным селеньям в расчете купить там подешевле избу.

Пока шел низом, минуя болотину, успел разочароваться в деревне – не на чем взгляду отдохнуть. Но поднялся на взгорок, к аккуратной скамейке у обрыва, наверняка традиционному месту свиданий да посиделок, и награжден был сполна: Окоемово, конечно же, Окоемово!

Широкая дуга реки огибает здешнюю высоту, и взгляд не может охватить разом всю ширь, весь оком, распластавшуюся на десятки километров равнину. Во влажную зелень заливных лугов словно врезаны темные кущи дубрав, тускловатое отсвечивают дальние плесы, россыпи пестрых крыш утопают в хвойном половодьи Мещеры...

Скорее угадываю, чем замечаю, где схоронилось за черемушником дремотное озеро Тишь. Такие заросли кувшинок, как там, довелось видеть, пожалуй, только в детстве. Пытаюсь уточнить, за каким изгибом реки распростерся луг Божья травка. Столь многоцветного, настоящего на терпких запахах трав, пронизанного шмелиным гудением приволья – поискать окрест да поискать. Чудом сберегли этот луг от мелиоративной армады строптивые федякинцы, и ныне гордятся первозданностью Божьей травки не меньше, чем высокими надоями молока.

Сколько же безвестных поколений поэтов, окрестивших каждый ложок, родилось и опочило на этой древней земле, прежде чем явила она на свет Сергея Есенина! Всего-то и оставили после себя – по словечку. Да – на века!.. Подъезжаю на электричке к районному центру Рыбное, и как забытая мелодия настраивают меня на встречу с холмами и перелесками названная станций: Подлипки, Алпатьево, Слемы, Дивово...

А что оставим мы потомкам на память? По той же дороге, от Казанского вокзала: Электрозаводская, Сортировочная, Фабричная, Совхоз, Шиферная... Не в преклонении перед веком индустрии истоки такого «творчества», они куда примитивней: отсутствие культуры, казенная обезличка, неуважение к жителям этих мест. Даже старое название Аграфенина Пустынь, что виднеется от Окоемово за рекой, умудрились переименовать на некоторых картах в Агропустынь. Очень символичная замена.

Разумеется, уроженцы деревень Добрые пчелы и Мыс доброй Надежды, что на Рязанщине, не обязательно все, как один, вырастут добрыми. Но сколь приятней, живительней для души подобные названия в сравнении с захлестнувшей нашу землю казенщиной. Убежден – названья воспитывают. Так что возрожденье старинной топонимики, как и реабилитация честных имен соотечественников, – не только акт справедливости, но и дань уважения прошлому, без которого не может стать полноценным завтрашний день.

Многая лета тебе, перешагнувшее через века Окоемово! Ласкай, как встарь, не только слух путника, но и око. От тысяч «неперспективных», подобных тебе, осталась лишь дивная музыка созвучий: Тятин бор, Уляляевка, Сить, Баюшки, Лопоты, Сиреневка, Малая Тяма...

1990 г.

РОДОМ ИЗ ЛАСКОВО

Дафнис и Хлоя, Тристан и Изольда, Фархад и Ширин, Ромео и Джульетта... Эти романтические истории о любви, перешагнувшие века и континенты, на слуху у каждого книгочея. А кто на Руси открывает подобный список?

«Повесть о Петре и Февронии» написана безвестным автором в XVІ веке. Это классика древнерусской литературы, первая наша светская повесть. Но многие ли знают о ней, хотя бы понаслышке?.. Увы, увы...

А между тем, история любви Петра и его суженой – благодатнейшая сценарная основа для фильма, лишь отчасти воплощенная в либретто оперы-легенды «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии». Судите сами. Дивная завязка истории, начавшаяся в стольном граде Муроме. Великий князь Павел узнал от жены, что в ее опочивальню повадился ходить змей в обличье самого Павла. На выручку брату поспешил брат Петр. Он убил змея в жестокой схватке, но брызги черной крови оставили на теле князя незаживающие язвы.

Никто в Муроме не смог избавить Петра от скверны, и тогда гонцы отправились искать опытного лекаря на Рязанскую землю. В глухой деревушке Ласково встретили они красавицу, дочь древолаза-бортника, на редкость воспитанную и острую умом. Узнав, зачем пожаловали гости, Февронья пообещала вылечить князя, но с одним уговором – что он женится на ней.

Интрига закручивается еще туже. Получив согласие князя, Февронья приготовила целебную мазь, наказав смазать ей все язвы, кроме одной. И вот чудо – очистился от заразы Петр. На радостях послал он в Ласково богатые дары, но сам в деревеньку не поехал, слова княжеского не сдержал. Девица подарки отвергла. А вскоре от малой болячки вернулся к Петру прежний недуг.

Делать нечего – женился князь на Февронии, и лишь тогда оценил, насколько любезна его сердцу оказалась избранница, сколь мудры ее советы. Зажили они душа в душу. А вскоре после смерти Павла стал править Петр и всей землей Муромской.

Терзаемые черной завистью, боярские жены не раз пытались оклеветать Февронию, но князь не верил наветам. Тогда, по наущению жен, бояре заявили Петру, будто не могут терпеть долее, чтобы господствовала над ними простолюдинка.

Со смирением выслушав подданных, князь послал их к жене: каково будет ее слово. Богатые дары посулили бояре Февронии – только бы она покинула Муром. И она не противилась – лишь попросила разрешения взять с собой самое дорогое. Ликовали бояре. А она не со златом-серебром надумала уехать – с любимым мужем.

Никто не думал, что Петр покинет престол ради супруги. Но из Мурома они отплыли вместе в неведомое. Недалеко успели отплыть – нагнали князя и княгиню посланцы города с нижайшей, покаянной просьбой вернуться. Большая смута случилась без них, перебили друг друга бояре в борьбе за освободившийся престол.

Прекрасен финал истории. Долго жили в ладу и согласии Петр и Феврония. А когда пришла пора готовиться к смерти, приказали сделать себе каменную гробницу с перегородкой, на двоих. Скончались князь и княгиня по уговору, в один день, но недруги приказали захоронить их отдельно. Вечером положили супругов в разные гробы, а утром глядят – лежат в одном каменном. Опять разлучили их, и снова Петр и Феврония оказались вместе. Так и похоронили их, решив, что такова воля божья.

Сколько не листал путеводителей по Рязанщине – нигде не встретил даже упоминания о местах, связанных с древней легендой. И вдруг читаю на обороте одной из туристских карт: «Ласково (в 35 километрах к северу от Рязани). Небольшая мещерская деревня имеет многовековую историю и упоминается в одном из замечательных произведений древнерусской лите-

ратуры „Повести о Петре и Февронии“. Героиня повести, крестьянская девушка Феврония родом из Ласково...»

Вышел на крыльцо, пригляделся. Ба! Так это ж совсем рядом! За разливом лугов привычно сияют купола Солотчинского монастыря, левее – светлой строчкой домики Заборья. А чуть подальше, в темной оправе лесов виднеется неужто Ласково?... Ласково!

Больше года собирался съездить к соседям, порасспросить старожилов, не сохранилось ли каких-либо преданий о знаменитой землячке. Да все недосуг было. А на излете бабьего лета, прикинув, что вот-вот начнутся дожди, а там и морозы, забросил я все дела и устроил себе праздник.

Утро выдалось ясное, с редкими прядями облаков, с блесками парящей паутины... И пока ехал на велосипеде привычным путем по асфальту, пока плыл на пароме через Оку в обществе шумливых доярок, все не верилось, что выберусь на простор. А там – любой стежкой к мещерским борам, и по замшелым, усыпанным хвоей тропам...

До леса, казалось, рукой подать, но крутил, крутил педали, а он все пятился, словно заманивал подальше, пока наезженная колея не истончилась совсем. На краю поля меня встретили усмешливыми взглядами механизаторы: «Куда его черти несут?» Замахали руками в сторону реки – там дорога.

– Да мне в Ласково.

– Эк тебя!.. Тут напрямик не прорвешься. Канавы кругом, топко.

Кое-как по подсказке выбрался на шоссе. Понеслись навстречу медовые стволы сосен вперемежку с лимонно-желтым березняком. И вдруг распахнулся лес, уступив место чередой пестро раскрашенных изб. Посреди села, почти у самой дороги, примостилось чистенькое кладбище с часовней. Ласково.

Ни единой души не встретилось на улице до самого магазина. Возле него и подкараулил седовласую, с мягкими чертами лица женщину. Назвалась Матреной, да так застенчиво, словно девица. А впереди меня ждали встречи с Ульяной, Евдокией... старинные, полузабытой музыки имена, под стать легендарной Февронии. Как будто чуждые древнему укладу ветры миновали сей уголок.

От Матрены узнал, что оседлых жителей осталось в Ласково мало – больше дачники. Да и возраст почти у всех пенсионный. Кому под силу – сторожат: окрестности здесь дивные, четыре детских лагеря вблизи села. Остальные домовничают. Самой старшей из ныне здравствующих, Даниловне – девяносто.

...Пока пристраивал велосипед возле забора Даниловны, пока искал запор на калитке, все чудились чьи-то взгляды. А голову поднял – и впрямь: едят меня глазами два божьих одуванчика. На застекленной веранде скамейка, как наблюдательный пункт. Сиди да поглядывай в тепле, что на улице делается.

Заинтриговал я старушек своим визитом безмерно. Правда, старшая, Даниловна, оказалась неважной собеседницей. Туговатая на ухо, она сверлила меня единственным оком, то и дело переспрашивая товарку:

– А чего ему надо?

Про Февронию, как порешили обе, лучше всего расскажет мне Дуня. Она за часовенкой смотрит, у нее в доме и икона святой девы висит.

Прихожая большой избы встретила меня запахами соснового бора. На столе благоухала россыпь белых, еще не очищенных от земли грибов. В отличии от соседок, строголицая с решительными манерами бывшей бригадирши Евдокия Васильевна не удивилась неожиданному гостю, как и желанию взглянуть на икону. Не я первый обратился к ней с такой просьбой, не я последний...

– Проходи в горницу. Помолись, милый, помолись...

Вот и повстречался я с Февронией. Над лампадой излучала голубое сияние икона, краски которой не успели поблекнуть. Умиротворенно смотрели на вошедшего тонколицые, ясноглазые Петр и Феврония. Золотисто светились нимбы над головами супругов, издревле причисленных к ликам святых, хоть никаких церковных заслуг за ними не числилось, только душевная чистота и бескорыстие. Да беспредельная верность друг другу.

Поразительней всего был контраст между юным лицом Февронии и седобородым ликом Петра. Этой разницы я не почувствовал при чтении повести.

– Ну как же, он зрелым мужем пошел под венец. А ее за дурочку здесь считали – сказала Евдокия Васильевна таким тоном, словно речь шла о соседях.

– Почему за дурочку?

– А как же! Все выдумками жила... Мыслимо ли, Петр сватов к ней шлет, а она им: «Приезжайте с князем на санях». Это в разгар лета, в июле... Ну доехали до Рязани верхами, а дальше не знают, как быть. Тут и снег повалил, да густой... Вот тебе и Феврония!

По словам Евдокии Васильевны, была в часовне древняя икона Петра и Февронии, да похитили ее лихие люди. Трижды взламывали дверь, все вынесли что могли. Так что новую икону Евдокия Васильевна приносит из дому только по праздникам, когда приезжает из Солотчи батюшка творить службу. Особенно много народу собирается седьмого июля, в день святой Февронии. Тогда можно встретить здесь верующих из разных мест...

Признаться, отправляясь в Ласково, готов я был к худшему из раскладов, когда пришлось бы объяснять селянам, кто такая Феврония. О том, что было до войны, не выведаешь в селе иной раз. А тут, шутка сказать, шесть веков прошумело. И вот сидим с хозяйкой в горнице пред ликом Февронии и по-домашнему обсуждаем семейные отношения князя да княгини...

Хотелось бы верить, что придет время, и на месте старой бревенчатой часовенки в Ласково вновь устремится к небу купол каменной церкви. А, может быть, уже ходит по белу свету мастер, который поставит памятник на том месте, где повстречались когда-то Он и Она. И станут приезжать сюда свадебные кортежи со всей округи, чтоб, поклонившись ликам Петра и Февронии, дать обет верности друг другу.

1994 г.

РОДИЛАСЬ В СЕЛЕ ИКОНА

В конце мая, когда отцветали повсюду вишневые сады, по деревням и селам севернее Рязани проехали на телеге двое монахов, облаченных в темные рясы. Остановившись возле изб набожных старушек, они смиренно просили показать иконы, древние книги и, по возможности, даровать их мужскому Свято Иоанно – Богословскому монастырю. Все верующие в округе знали, сколь тяжкая судьбина выпала этой вставшей из забвения монашеской обители, и потому жертвовали фамильные ценности, не скупясь.

Принимали монахи не все подряд, а с разбором. Из семейных иконостасов выбирали лишь самые выцветшие и потрескавшиеся, невзрачные на вид доски, вежливо объясняя прихожанам: «У нас свой живописец, Лука. Он все лики просветлит с божьей помощью.»

Увезли вдвоем бесценной старины целый воз. Но когда кто-то из старушек поинтересовался в монастыре, скоро ли явят верующим иконы из дарованных вновь, оказалось, что никто из здешних служителей к этим поборам не причастен. И куда отправились с добром ряженые, как говорится, Бог весть.

С художниками Ириной и Владимиром я познакомился в есенинском Константинове, возле обновленного сельского храма, где Иванов расписывал иконостас. От них и услышал историю про воров, переодевшихся в рясы. Случилась она три года назад, как и первая встреча с Ивановыми, но будто сейчас слышу горькие, выстраданные слова. С такой болью говорят о потере близкого человека. Каюсь, не вдруг воспринял я зрелость того чувства.

Почему не сразу?.. Уж очень непохожи были Ивановы на облик ревнителей древнего мастерства, который успел заостряться в моем представлении. Я воображал иконописца благообразным, убеленным сединами старцем, схимником, которому чуждо все земное. Где-то, помнится, читал, что прежде, чем писать святую икону, изограф должен был поститься, доведя себя молитвами до состояния отрешенности от всех земных забот и страстей, кроме одной всепоглощающей думы – о том, чей возвышенный образ предстояло воссоздать красками.

А познакомился я с молодыми по обличью супругами, и очень удивлен был, узнав, что их сын уже заканчивает школу. Миловидная, с застенчивой улыбкой Ирина оказалась выпускницей отделения журналистики Уральского университета, которое некогда заканчивал и я, и любознательностью, общительностью весьма походила на моих однокурсниц.

В невысоком, худощавом Володе, окончившем худграф Кубанского университета, пожалуй, скорее можно было угадать художника. Улавливалась в его лице то характерная рассеянность, то пристальная пытливость взгляда. Но от художника до иконописца – дистанция, и не малая.

«Иконописец (изограф) является совершенно безличным работником, шаблонно воспроизводящем композиции и формы, однажды навсегда указанные ему и его собратьям, и, если иметь возможность выказать в чем-то свое мастерство, то единственно в тщательности и тонкости работы». Так жестко и недвусмысленно охарактеризована сущность этой профессии в знаменитом энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона конца позапрошлого века.

Ну, а как же, в таком случае, мы отличаем иконы Новгородской школы письма от Владимирской, а шедевры Андрея Рублева от знаменитых творений Феофана Грека?.. Очевидно, рассказывая о профессии изографа, авторы энциклопедии, главным образом, имели в виду работников массового, поточного производства, прозванных в народе богомазами, когда один живописец мастерской рисует по трафарету только фон, другой – перси, и так далее...

Ныне в России такой конвейер редко где можно встретить. Разве что во Фрязине, на комбинате церковной утвари. Однако освященные веками каноны православной живописи остались незыблемы. И в этом смысле творческие измышления изографа, сколь совершенно

не было бы его мастерство, и по сию пору резко ограничены. Традиционно незыблемы для композиций соразмерность фигур и отточенность жестов, поворот головы и даже расцветка одежд... Что же остается на долю воображения мастера?... О, не так уж мало!

Я глядываюсь в привычную череду деисусного чина на иконостасе Константиновской церкви, и первое беглое впечатление от общности святого семейства постепенно обращается в узнавание. Так через много лет узнаешь при случайной встрече старых знакомых. Вроде бы и тот святой, и не тот. Нечто свое, характерное сквозит в складках губ, в согбенности спины... То не время наложило на каждого свой отпечаток – это сделала рука мастера.

Венчались Ирина и Владимир три года назад, в Константинове, пред ясными ликами тех самых святых, которых рисовал муж с благословения архиепископа Рязанского и Касимовского Симона. К вере пришли много раньше. А как поменяли благоустроенное жилище на берегу Черного моря в Анапе на временное пристанище в рязанском селе Пощупово – о том особый рассказ.

Никто не гнал их из теплого, обжитого края на Север. Сначала приехали поклониться древней земле возрожденного Свято Иоанн-Богословского монастыря. Побродили по заросшим ромашками тропам, по светлым березовым перелескам, над которыми время от времени плыли тихие звоны, и так благостно стало на душе, словно после долгого отсутствия вернулись в родной дом.

Тут и решили пожить, хоть трудно было бросать нажитое долгим трудом. Сначала снимали за плату старенькую избу. Потом уговорили местных строителей на обмен. Они забирают под профилакторий особняк Ивановых в Анапе, а взамен возводят для художников кирпичный дом с мезонином в селе Пощупово. Немало помогал строителям и сам Володя.

Накануне Нового 1995 года Ивановы справили новоселье по соседству со Свято Иоанно-Богословским монастырем. Стоит дом на бугре, обращенный окнами к березовой роще по ту сторону широкого лога. Высота, простор, буйство красок и в расцвете весны, и в зрелую пору осени... Улучи время – и садись за мольберт, не покидая жилища.

Пишет Иванов и пейзажи, отдавая дань любви приютившей их рязанской земле. А в руках Ирины оживает местная глина. Но главное дело Ивановых – иконопись. Это занятие Володи. Он готовит к росписи доски по рецептам древних мастеров. Высушенные до звона липовые плахи с дубовыми клиньями проклеивает в несколько слоев рыбьим клеем, покрывает левкасом – грунтом на алебастровой основе. Лишь потом приходит черед растирать на хлебном квасе или на яичном желтке пеструю гамму красок.

Первую икону – Святого Иоанна Богослова Володя написал здесь. Это было как прозрение. Никогда прежде не бравшийся за такую работу, он почувствовал словно зов свыше, и когда показал свое творение настоятелю монастыря отцу Авелю, тот распорядился поместить икону на почетном месте – перед входом в купальню святого источника, исцелившего многих больных.

С той поры по каким только адресам не отправлялись иконы из древнего села Пощупово, где некогда была улица богомазов. Творения Владимира Иванова украшают стены церкви Святого Георгия Победоносца в поселке Витязево на Кубани, духовной школы в Раменском, под Москвой, монастырей в Польше и Франции, в Центре православной культуры в Дели... Десятки заказов исполнены для верующих из Москвы и Екатеринбурга, Рязани и других городов...

Пишет Володя, чаще всего, ночами, когда все стихает вокруг и «открывается небо», в том особом состоянии души, которое он воспринимает, как дар Божий. Тогда пишет вдохновенно, едва успевая за тем, кто словно бы ведет его руку. Как рассказывает Ирина, случается, что на еще не написанных иконах вдруг как бы сам собой начинает проступать лик святого...

Иконы, написанные Владимиром, несут в себе не только отпечаток поклонения всему, причастному Богу, но и душевной мягкости, сострадательности самого художника. Свет этих

досок не ярк, чуть приглушен. Он сродни тем молитвам, которые хочется произносить не во весь голос, а на полутонах, с доверительной сердечной простотой.

В первый год сельской жизни, пока Ивановых мало знали в округе, порой приходилось работать без конкретного адреса, «про запас». Ныне заказы следуют чередой.

В прошлом году у соседей Ивановых сгорел дом. Спасти успели немного. Но среди немногого – опаленную пламенем икону Пресвятой Богородицы. Скорбный лик ее едва угадывался во вздутиях краски. Племянник погорелицы принес икону Ивановым, не веря, что можно спасти ее. Попросила бабка – он и принес. А когда увидел возрожденную семейную реликвию, не сразу признал в ней ту самую икону:

– Ух ты, как живая! – только и произнес.

Минувшим летом в доме Ивановых к терпкому духу левкаса прибавились запахи свежескопанной глины. Ирина увлеклась керамикой. Под ее тонкими пальцами из желтоватой бесформенной массы стали появляться на свет фигурки забавных зверюшек и птах во главе с добродушным вислоухим дворнягой. Всех их, за неимением муфельной печи, ждала жарко протопленная русская печь, после чего сувениры расписывались красками.

Долго не удавалось найти подходящую для таких поделок глину. Стал Володя копать траншею под фундамент своего дома, а нужная глина – вот она, тут и есть, вязкая, пластичная. С той поры зачастили к Ивановым гости – молодые селяне, которым по душе пришлось лепить игрушки из глины. Чаще всего занимается с молодежью Ирина – обучает парней и девчат навыкам лепки, прививает вкус к рисованию, а заодно – и к классической музыке, и к живописи разных веков. За чаем из старинного самовара так непринужденно льется беседа...

Остро не хватает времени. На сад и огород, на хозяйственные дела, на учеников и на чтение книг, все прибывающих в домашней библиотеке. Володя не одинок в своей главной заботе – когда советом, а когда и кистью помогает мужу творить святой промысел Ирина.

Пытаюсь представить, сколько икон сумеют написать они вдвоем, и думаю: «При всем старании едва ли Ивановым под силу восполнить тот ущерб, который нанесли прихожанам монастыря вору в обличьи монахов.» Но сколько ныне на Руси таких Ивановых – кто сосчитает?

2000 г.

2. БЫЛОЕ

ДОМ БЕЗ ХОЗЯЕВ

Как вязко сидит в нас инерция взгляда. Уж сколько раз за последние годы проходил мимо пустующего здания барской усадьбы, и все казалось обыденным: заросшие одуванчиком ступени парадного входа, облупившаяся колоннада, заколоченные досками провалы окон... Седая безнадзорная старина, ей ли удивить кого-либо в российской глубинке. И все же, помнится, впервые увидев запущенный дом, отметил с горечью: неужто никому не нужны эти каменные хоромы, великолепия которых не в силах заглушить даже долгое небрежение людское?

Кто-то объяснил мне, что в здании, принадлежащем профессионально-техническому училищу, ныне – временный склад. И поскольку все вокруг не было постоянным, кроме Оки, омывающей этот крутой, подумалось, что настанет пора, и особняку найдется иное, более достойное применение. Кто-то же отвечает за это.

Как ни странно, ожидания сбылись. В 1979 году реставраторы перекрыли крышу, подлатали фасад и кое-что внутри... Забыли только повесить доску, предупреждающую о том, что здание бывшей усадьбы Никитинских является памятником архитектуры республиканского значения и охраняется законом.

Построенный в начале века двухэтажный с мезонином и колоннами особняк рядом с современными коробками общежития и учебного корпуса выглядел заблудившимся франтом. В коробках жили, занимались, а старый дом и после реставрации остался пустовать в ожидании людей.

Благодушие мое развеял мастер училища, крепкопечий припорошенный сединой Вячеслав Михайлович Кошуро. Оказывается, обветшавшую систему отопления особняка сковало после сильных морозов, и директор училища распорядился отключить ее. Вот уже третий год стужа и сырость подтачивают здание.

Найти дому нового хозяина пока не удастся. Ни художники Рязани, ни театральные деятели области не взяли здание под свою опеку, хоть очень поглянулось оно и тем и другим. Отпугивает необходимость нового ремонта, более капитального, чем прежний: вновь прохудилась крыша, обветшали стены и перекрытия, в одном из залов учащиеся разложили костер на дубовом паркете и начавшийся пожар едва сумели погасить...

– Я уж заколачиваю, заколачиваю окна – нет, отрывают доски, лезут туда, как мухи на мед, – пожаловался на своих воспитанников Вячеслав Михайлович.

Вспомнилась судьба другого здания, стоявшего по соседству. Двухэтажное, сложенное из бревен еще при старых хозяевах усадьбы, князьях Мещерских, оно знало многих именитых людей. С балкона его писал этюды заокских далей Николай Клодт, в гостиной импровизировала перед друзьями Мария Николаевна Ермолова, читал стихи тогда уже знаменитый сосед Сергей Есенин...

Долгие годы после революции дом исправно служил костинцам, кто только не жил в нем до поры, пока не прохудилась крыша. Случилось это лет семь назад. Сначала переселили из здания жильцов в преддверии ремонта. Потом началась элементарная растащилка: кому-то понадобились доски, кому-то – печная заслонка... А кончилось все тем, что разобрали здание на дрова. До сих пор, когда заходит речь об этом варварстве, мужики с восхищением вспоминают, с каким трудом приходилось растаскивать звонкие, смолистые бревна: умели же люди строить!

Судя по рассказу Кошуру, история с безнадзорным домом повторялась, как повторилась она с ротондой, которую во избежание хлопот с ремонтом просто снесли: остаточная стоимость ее была дешевле килограмма колбасы в местном сельмаге. Еще не поздно было спасти каменное здание, и разговор наш вился вокруг этого, пока Кошуру не сказал:

– А больше всех знает об этом доме Таня Шустова.

В тот же день я встретился с ней. У старшей из пятерых детей Александры Ивановны – в замужестве Татьяны Владимировны Шустовой – было открытое, смугловатое лицо, густые иссиня-темные волосы уложены, как встарь, тугим кольцом на затылке. Не только обличем, но и беспокойным характером, как видно, пошла она в мать.

Всякое серьезное дело начинается с хлопот одного человека, которым чаще всего правит не долг службы, а долг совести. Казалось бы, ей ли, матери двоих детей, живущей в Рязани и приезжающей в родное село лишь на побывку, брать на себя заботу о судьбе старых построек на окраине Костино?.. Если больше никто о том не хлопочет – то ей!

Так решила Татьяна Владимировна, узнав о том, что бывшая барская усадьба осталась без отопления, что начальную школу в Костино, где она училась когда-то, решили за ненадобностью пустить на дрова. Почему следует рушить крепкое бревенчатое здание, в котором крестьянские дети постигали азы грамоты еще до революции? Опять эффект «крыши»? Не разумней ли отремонтировать строение и устроить там народный музей: история села богата и уходит корнями в древность?

Доводы Шустовой убедили работников поссовета. Приговор старой школе был отменен. Для Татьяны Владимировны это был первый праздник в череде уклончивых ответов должностных лиц.

Вот строки одного из писем, разосланных ею по разным инстанциям:

«У нашего села богатая история. О ней можно было бы писать очень долго, но сейчас мне хочется вернуться в настоящее время. Подходит лето – самое подходящее время для ремонта бывшей барской усадьбы. Мне очень жалко это здание, я воспринимаю его как живое существо, верящее в меня и терпеливо ждущее от меня помощи. Мне очень жалко государственных денег, которых будет требоваться на ремонт все больше с каждым месяцем его отсрочки. Мне очень жалко моих односельчан, у которых болт сердце за нашу прежнюю гордость, но которые не верят, что положение может измениться к лучшему.

А они жалеют меня, говорят: «Танюша, брось ты все это, побереги силы и нервы для своей семьи, для своих детей». Но, тревожась за судьбу памятника архитектуры, я тревожусь и за своих детей. Я не хочу, чтобы мои дети получили в наследство оскудненную природу, не хочу, чтобы навсегда были утрачены памятники истории и культуры...»

У Шустовой нашлось много единомышленников среди земляков. Желание спасти заброшенный особняк оформилось в идею создать на базе его музей народного творчества Рязанской области. Сколько прекрасных творений гончаров, кружевниц, резчиков по дереву и других мастеров народного искусства, которыми издревле славилась рязанская земля, пылится по сундукам да чердакам, по запасникам разных музеев лишь потому, что негде выставить для всеобщего обозрения эти прекрасные экспонаты. И в то же время ветшает здание, анфилада светлых, просторных комнат которого словно бы специально предназначена для такого музея.

– Так кто же против такой идеи? – нетерпеливо спросил я.

– Мы опоздали, – грустно проговорила Татьяна Владимировна, – Нашлась организация, пообещавшая отремонтировать этот дом. Разумеется, не без выгоды. Там будет профилакторий Госкомнефтепродукта РСФСР.

– Но ведь в таком случае здание придется перестраивать, и оно потеряет былой облик.

– В том то и дело!

– Очень жаль, если спасут здание такой ценой... Вы знаете, постараюсь все разузнать. – пообещал я. – Может быть, еще не поздно отстоять идею музея. Прекрасная идея...

1989 г.

НАСЛЕДСТВО КОРОЛЯ

Из всесоюзного научно-исследовательского института картофельного хозяйства в Коренево я возвращался в Москву под вечер. Рейсовый автобус не пришел, и мы вместе с попутчиком, энергичным мужчиной лет сорока, отправились пешком в сторону железной дороги. Из разговора выяснилось, что он занимается селекцией картофеля.

– Знакомо ли Вам имя «короля картошки» Николая Яковлевича Никитинского? – спросил я.

– Не слышал о таком.

– А о Грачеве старшем, создавшем более ста сортов картофеля?

Спутник задумчиво пожал плечами. Возможно и его коснулось на миг ощущение утраты, когда чувствуешь – потерял, не ведомо что. Но – только на миг. Он полон был сиюминутных забот. А находить в прошлом ответы на них, как многие из нас, не привык.

х х х

Чтоб не вводить в заблуждение читателя, оговорюсь сразу: король этот – личность некоронованная. О негласном титуле бывшего владельца Костинской усадьбы Николая Яковлевича Никитинского, нареченного «королем картошки» в одном из некрологов, я слыхивал давно, но не воспринимал сказанного всерьез. Что за король, о котором даже в родном селе почти ничего не знают, хоть жил он здесь, под Рязанью, не в древние времена – в начале века.

Достоверно известно лишь, что бывший владелец усадьбы оставил по себе добрую память. Она в белокаменном особняке и школе для крестьянских детей, в хозяйственных постройках, переживших десятилетия, в остатках сада и парка, в заросших ряской прудах... Правда, о благолепии некогда процветавшей усадьбы старики порой вспоминают с чужих слов, восторженно прицокивая языками, называя «барина», как привычней слуху, Никитиным.

– Хороший был хозяин, чего только не выращивал! Жене своей в день именин, среди зимы корзину ландышей подносил. Из собственной теплицы...

– Да, при нем дело вертелось! Жеребцов породистых выводил...

– Картошку хранил по пять – шесть лет. А нынче попробуй-ка...

Вот такая информация, услышанная в разные годы. И только-то. Попытался разыскать в книгах какие-либо сведения о «короле картошки», но тщетно. Ни в исторической столичной библиотеке, ни в архиве древних государственных актов сведений о Н. Я. Никитинском не оказалось. Даже в книгохранилище Тимирязевской сельскохозяйственной академии, где собраны труды по истории отечественного картофелеводства, и упоминания о Николае Яковлевиче не нашел. И темное подозрение пало мне в душу: да был ли наяву этот всеми забытый король, или слухи о некогда сказочном изобилии картофельных сортов под Рязанью всего лишь красивая легенда?

В библиотеке им. Ленина удалось разыскать четыре формуляра с инициалами Николая Яковлевича. Однако уверенности в том, что именно он является автором этих книг, не было, ибо тематика их никак не стыковалась с земледелием: «Торф и разработка его на топливо», «Коллекция по писчебумажному, кожевенному делу и производству фарфора и фаянса», «Из воскресных объяснений при Московском политехническом музее в 1879 году».

Правда, у соседа по каталогу – Якова Яковлевича Никитинского формуляров числилось раза в десять больше с диапазоном интересов поистине безграничным: от устройства паровых котлов и микробиологии скоропортящихся продуктов до новостей сельскохозяйственной техники и очистки от загрязнения малых рек. Но я не собирался писать о русских энциклопедистах, и если все же полистал некоторые из трудов Никитинских, то лишь с одной целью: не встретится ли там хотя бы упоминание о Костино. Нет, не встретилось.

Татьяне Шустовой больше повезло в этих поисках. В Рязани она обнаружила справочник департамента земледелия за 1916 год, где было сказано, что в Костинском хозяйстве Н. Я. Никитинского разводится до 400 сортов картофеля, выписанных из-за границы, «получены многочисленные премии на сельскохозяйственных выставках за семенной материал, главным образом, за коллекции картофеля».

Значит, был все же король со своим королевством: 400 сортов! Это ж настоящая семеноводческая станция!

С правнучкой Николая Яковлевича, преподавательницей литературы одной из столичных школ Натальей Алексеевной Родионовой удалось встретиться на конференции рязанского землячества в Москве. Среди выступлений историков и краеведов о полузабытых страницах прошлого прозвучало и сообщение Шустовой о «короле картошки» и судьбе усадьбы его. Пока Татьяна Владимировна вела свой рассказ, с фотографии стенда смотрел на собравшихся обрамленный бородою мужчина лет сорока. Ум и благородство сквозили в мягких чертах лица, озаренных светом того же спокойного достоинства, которого нельзя было не заметить при первом взгляде на правнучку.

Судя по реакции зала, судьба безвестного ныне земляка заинтересовала многих рязанцев. Отвечала на их вопросы и Наталья Алексеевна. А когда конференция закончилась, и мы остались с нею в пустом зале, наконец-то настала и моя очередь порасспросить подробнее о том, что не удалось прояснить в телефонных разговорах.

Все выстраивалось последовательно в только что прозвучавшей истории: древняя российская родословная, и учеба Николая Яковлевича за границей после окончания Петербургского технологического института, и женитьба на Ольге Ивановне Ляминой, дочери москов-

ского городского головы, и приобретение на средства от приданого усадьбы в селе Костино... Здесь вершил он главный труд своей жизни, был счастлив в семье. А умер, сраженный приступом грудной жабы, всего лишь пятидесяти четырех лет от роду. Девять лет спустя, в 1920 году часть коллекции клубней Н. Я. Никитинского вывез из Костино известный селекционер картофеля А. Г. Лорх. А сама усадьба, ныне принадлежащая разным хозяевам, находится в запустении...

Если бы Николай Яковлевич осваивал земледельческую науку со студенческой скамьи, решение его заняться выведением разных сортов картофеля было бы вполне логичным. Однако долгие годы Никитинский специализировался в технике и ремеслах – это его труд о разработке торфа и объяснения в Политехническом институте хранят библиотечные фонды. Что же заставило Николая Яковлевича столь круто изменить линию жизни?

На этот вопрос Наталья Алексеевна ответить не смогла, хоть родословную свою знала с редкой для наших дней осведомленностью. С особой теплотой говорила она о старшем брате прадеда – Якове Яковлевиче Никитинском, одном из основателей Плехановского института, бывшем профессоре Московского технического училища и столичного сельскохозяйственного института, чьи работы поразили меня в библиотеке своей разносторонностью. Так нет ли связи между аграрным поприщем старшего брата и решением младшего переменить род занятий?

Сколько раз в поисках документальных свидетельств прошлого приходилось с горечью убеждаться, что даже от предвоенных лет зачастую сохранились лишь тени событий. Вихри нашего века безвременно унесли не только миллионы жизней соотечественников, но выветрили и саму память о них; из уничтоженных книг, из отошавших архивов, из опустошенных семейных хроник... Ведь были годы, когда люди небеспричинно боялись хранить у себя даже фотографии родных и близких, не говоря о попавших в опалу друзьях. Сколько оскопленных, изуродованных ножницами групповых снимков осталось с той поры в семейных альбомах!

В доме Натальи Алексеевны хранительницей семейных реликвий была бабушка Наталья Николаевна, чье детство прошло в Костино. Среди немногих писем, фотографий и документов, уцелевших с тех давних времен, лежат две ученические тетради в клетку с воспоминаниями Натальи Николаевны о годах девичества. Откровенные, полные озорства и былой непокорности записи, свидетельствующие о цепкой наблюдательности младшей из дочерей Николая Яковлевича. Однако даже в тех тетрадях нет и намёка на обстоятельства, заставившие Никитинских обосноваться под Рязанью в конце прошлого века. И почему именно картошкой начали заниматься они на суглинистых, не лучших для этой культуры землях? И каким образом в короткий срок удалось добиться рекордных урожаев?..

На прощанье Наталья Николаевна обещала порасспросить об этом родственников. Зная ее обязательность, я не сомневался, что при всей занятости она сдержит свое слово. И все же надежда заполучить ключ к разгадке событий вековой давности была не толще комариного писка.

Я съездил еще раз в Ленинку, но обогатил «досье» лишь выпиской о том, что действительный статский советник Николай Яковлевич Никитинский удостоен дворянского звания в 1908 году. Побеседовал с сыном последнего управляющего Костинской усадьбы Сергеем Оскаровичем Пельцером – безрезультатно. И подумалось вдруг: «За свое ли дело взялся? Какой прок, если даже удастся найти подоплеку давно угасших страстей? Будет ли это в радость ныне живущим? Чем обогреет, чем обогатит их?.. Вокруг такие перемены вершатся, а ты погряз в прошлом...»

Не весело было от таких мыслей. Но и поддаваться им не хотелось. Все мы в долгу перед прошлым, а долги положено возвращать. Не пообедем – только богаче станем от этого.

И вдруг – звонок. Знакомый, радостный голос. Говорит ли мне о чем-либо фамилия Грачева Ефима Андреевича?.. Так вот, известнейший в прошлом веке, а ныне почти забытый петербургский селекционер овощей и картофеля умер в 1877 году. Продолживший его дело

сын Владимир пережил отца ненадолго. Сын Петр занялся выращиванием цветов и шампиньонов. Но была еще дочь Мария, вышедшая замуж за... Якова Яковлевича Никитинского.

– И как же я сразу не подумала о ней? Ведь бабушка рассказывала, что Мария Ефимовна не однажды приезжала в Костино. У них с Яковом Яковлевичем была усадьба в Гришине, под Москвой, где разводились овощи и картофель... Вот вам одна ниточка. А другая тянется в Коренево, в научно-исследовательский институт картофельного хозяйства. Один из основателей его – Лорх.

– И там остались свидетельства о сортах из коллекции Никитинского?

– Как мне сказали, одно лишь упоминание о них в докладе полувековой давности. Так что надо еще поискать.

– Наталья Алексеевна, вы и так сделали почти невозможное.

Знаменитый грачевский огород был основан его отцом, выходцем из крестьян Ростовского уезда – колыбели русского огородничества. При Ефиме Андреевиче этот уголок старого Петербурга между Обводным каналом, Дровяной и Курляндской улицами превратился в сказочное зеленое царство. Овощи росли даже на крышах огородных строений, причем отменного вкуса и столь внушительных размеров, что соседи лишь ахали, разглядывая их. Одного кочана, выращенного здесь, достаточно было, чтобы засолить бочонок капусты, а морковь достигала в длину шестидесяти сантиметров. Очень сладкие арбузы дозревали на грядах уже в конце июля...

Но любимейшим детищем Грачева была картошка, избавившая Россию от голода не в один засушливый год. Путем селекции семян, а не клубней, он вывел более ста сортов картофеля. Лучшие из них, вместе с овощами, получили высшие награды на сельскохозяйственных выставках в Петербурге и Вене, Париже и Филадельфии...

Большинство петербургских огородников предпочитали сажать лишь выгодные культуры, и на Грачева, который отвел под картофель большой опытный участок за Московской заставой, посматривали недоверчиво: что за напраслину затеял. Земли там были неважные, как в большинстве окрестных деревень. Ему же хотелось доказать крестьянам, что при должном уходе и на суглинке можно выращивать завидные урожаи. Лучшие из его сортов дали невиданную для той поры продуктивность: сам-42, сам-43.

После смерти Ефима Андреевича превосходные сорта картофеля стал выращивать Владимир Грачев. Разглядывая эти клубни, конкуренты лишь бледнели от зависти. На очередную международную выставку Владимир Ефимович отправил вагон с отборными образцами опытного поля. Но до Парижа он не дошел – затерялся в дороге. С той поры в разных концах Европы стали появляться новые сорта картофеля, весьма похожие на грачевские.

На Всероссийской выставке 1890 года двести пятьдесят сортов картофеля демонстрировала от имени Грачевых вдова Владимира Ефимовича Вера Александровна. Это был последний шумный успех петербургского опытного поля.

Очень заманчивым представляется перекинуть мостик от угасающей европейской славы грачевского картофеля к началу селекционной деятельности Николая Яковлевича Никитинского. Чем не эстафета русского опытного огородничества? Ведь для создания специализированного картофелеводческого хозяйства Николаю Яковлевичу наверняка требовались не только квалифицированные советы старшего брата, но и элитный селекционный материал. А лучшие сорта несомненно были у Грачевых, и родственные узы гарантировали «режим наилучшего благоприствования» в приобретении семян и клубней.

И все же правильнее будет сказать, что дело Никитинского не продолжило, а отпочковалось от мощной ветви Грачевых. Среди потомков одиннадцати детей Ефима Алексеевича нашлись не столь талантливые, как дед, но все же старательные продолжатели главного дела его жизни. Грачевский семенной картофель продавался по всей России вплоть до 1914 года.

В основном, распродуцировались выгодные сорта. Селекция же этой культуры ждала нового подвижника...

Сложнее, на мой взгляд, было проследить судьбу коллекционных клубней из Костино после Октябрьской революции. Вдова Никитинского Ольга Ивановна, взявшая на себя после смерти мужа заботы по усадьбе, пользовалась среди крестьян столь же безоговорочным уважением, что и бывший хозяин.

Теща моя и по сию пору вспоминает, как в Ольгин день возле главного дома, где для местной ребятни были устроены и качели, и карусели, собирались именинницы со всей округи. Появлялась на крыльце статная нарядная Ольга Ивановна и каждая из счастливых подружек подходила к крыльцу по очереди:

– Как тебя звать?

– Оля.

– Поздравляю тебя, Оленька, с именинами.

И каждой – подарок, губки подсластить, глазки потешить. Потом веселье продолжалось в доме, где так же, как на рождественской елке с подарками для всей ребятни, плясали и пели песни под рояль. Самые приятные воспоминания остались у Ольги Максимовны от тех праздников.

По свидетельству дочери Никитинского, в начале века на все Костино был один колодец, у Оки. Скорее всего тот, что возле нашего дома. И хоть в усадьбе, недалеко от фонтана, всегда стояла наготове пожарная машина, однако бочки воды не всегда хватало загасить горящие избы. Николай Яковлевич предложил провести в село водопровод. Как обычно в таких случаях, основные расходы, всю техническую часть работ он брал на себя, а прокопать траншею попросил крестьян. Почесав в затылках, селяне ответили: «Деды наши жили без водопровода, и мы проживем».

В лихую пору после двух революций семнадцатого года, когда слухи о поджогах и погромах доносились со всех сторон, костинцы сберегли не только строения усадьбы Никитинских, но и коллекции картофеля. Хозяйство, конечно, национализировали и долго оно семеноводческим не просуществовало. Но как развивались события – поди, дознайся сейчас, когда свидетелей почти не осталось.

Перед поездкой в Коренево, в НИИ картофелеводства, решил я заглянуть в библиотеку ВАСХНИЛ. Трудно было рассчитывать, что в брошюрах А. Г. Лорха двадцатых годов окажутся свидетельства его пребывания в Костино. Если взял там часть коллекции, а затем, кроме упоминания в докладе, предпочел не афишировать этот факт, то вряд ли станет распространяться о нем и в книгах.

Каюсь, оказался не прав. Помнится, едва не ахнул, наконец-то найдя в брошюре двадцать третьего года издания то, что никак не давалось в руки:

«Справедливость требует отметить совершенно исключительную и весьма почтенную работу Костинского хозяйства Н. Я. Никитинского Рязанской губернии, близ ст. Дивово, являющегося чуть ли не единственным русским картофельно-семенным рассадником в дореволюционном периоде».

Неужели будущий профессор столь восторженно воздавал хвалу своему предшественнику?.. Я торопливо взглянул на подпись. Слова эти принадлежали автору предисловия, заведующему Московской областной опытной станцией Ал. П. Левицкому. Очень высоко оценил он и деятельность автора брошюры.

«Скромная селекционная станция в Коренево, успевшая за три года работы, несмотря на свое нищенское оборудование, по масштабу и глубине своей работы стать в уровень с богатейшим картофельно-селекционными станциями Германии и Польши, является единственным русским центром картофельно-селекционной работы».

Малости не хватило мне в этом похвальном отзыве о работе А.Г.Лорха и его сотрудников – о ней говорилось вне связи с трудами предшественников, словно столь быстрый успех был возможен за счет одних лишь усилий молодых специалистов.

Но вот, дошла очередь и до свидетельства самого А.Г.Лорха о Костино:

«Питомник этот, сыгравший в период с 1906 по 1917 год видную роль в картофельной семенной работе России в связи с удаленностью его от центра и неблагоприятными материальными условиями не мог получить должную своевременную поддержку. Правда, в 1920 году Корневским персоналом была сделана попытка наладить и в нем работу, но из-за голода специальный персонал покинул Костино, другие же лица не рисковали туда выехать. Поэтому осенью 1920 года из Костино были вывезены в Коренево по 5 клубней каждого сорта».

Не часть образцов, как полагалось прежде, а все четыреста, то есть больше, чем было отобрано в коллекциях селекционной станции и Тимирязевской академии вместе взятых. Все это и составило первоначальный семенной фонд в Коренево.

Когда, приехав в Коренево, я спросил, не осталось ли в институте документов двадцатых годов, мне ответили, что старый дом, где хранился архив, поломали в середине семидесятых, а в новом здании ему не нашлось места... Побродив по длинным коридорам этого здания, я вспомнил цифру, поразившую меня в одном из отчетов: по средней годовой урожайности картофеля – 12-центнеров с гектара – СССР занимает 71-е место в мире.

Разумеется, показатель этот – свидетельство низкой культуры производства, и причин тому множество, за которые по большей части ответственна не наука. Однако при всем том хотелось бы и спросить у специалистов: «Как же Грачев с двумя классами подготовительной школы сумел достичь столь разительных результатов в селекции? Как же Н.Я.Никитинский вершил работу, сопоставимую по размаху с деятельностью научного коллектива? И при этом добивался рекордных результатов. Так, например, по свидетельству А.А.Бертелье, «В 1906 году на выставке Российского Общества любителей садоводства Костинской экономией был представлен сорт картофеля, выведенный на основе приобретенного в Японии. Названный «Микадо новый», этот сорт дал поразительные результаты. Согласно письму одного из покупателей А.А.Берка (мыза Красная Горка, ст. Боровенка. Николаевской ж. д.) у него от «Микадо нового» был получен необычный урожай: 150 картофелин от одной.»

Ответ на эти вопросы удалось найти в строках воспоминаний об одном детстве:

«Верхом на лошади я ездила с шести лет... Свозила копны на лугах. К концу дня болит зад, иногда бывало и надерет, если попадалась худая лошадь. Вечером едешь домой, снимаешь хомут, отдаешь лошадь конюху, а сама раскорякой домой. Кажется, завтра не смогу сесть на лошадь, так все болит. Но это только кажется. И так продолжается близкая работа, пока все стога не поставят... Я очень любила косить, сперва короткой косой. Насмелившись, ходила с косцами и становилась в ряд. Это было трудно, так как отдыхать нельзя было, ибо за мной идущий косарь покрикивал: «Давай, а то по пятке резану!» Точить косу трудно, не раз резала себе руку, но мужики научили и этому искусству...

Если конюх Александр был занят чистой конюшен, я брала вилы и помогала вычищать стойла, клала навоз на тачку и отвозила на компостку. С мая и по глубокую зиму я никогда не одевала обуви за исключением праздников и приема гостей...»

Эти воспоминания принадлежат не бывшей крестьянке, а дочери дворянина Н.Я.Никитинского – Наталье Николаевне.

«У отца было 362 сорта кормового и столового картофеля. Он сам скрещивал сорта и получал таким путем новый, и выписывал из других стран: Америки, Японии и т. д. Он имел

каталог, в котором о каждом сорте было написано, какую он требует почву, много ли глазков, шероховатая или гладкая кожура, много ли в нем крахмала и т. д. Отец вел большую корреспонденцию с заказчиками, высылал им каталог, а когда приходили заказы, высылал тот сорт, который требовал покупатель...

В парниках наших вызревали даже дыни и арбузы. На Московских сельскохозяйственных выставках отец выставял, кроме картофеля, крыжовник, малину, смородину, спаржу, клубнику. Все было вдвое-втрое больше обычного.

Осенью отец заставлял нас (своих детей, а их было четверо, Ю.Л.) убирать листья на компостки. Задания были большими, болели руки, спина, но никто не думал уйти, не выполнив папиного задания. А там – окапывать яблони после сбора. А весной – обрезка сухих веток на плодовых деревьях, сирени. Копка грядок, парников, стрижка газонов, поливы... Отец приучил меня любить труд и быть не белоручкой, а умеющей выполнять любую работу на земле.»

Казалось бы, к чему такая повинность? Неужто в многолюдном селе на нашлось бы нескольких рук, чтобы избавить дворянских отпрысков от самой черновой работы?.. Но родители твердо усвоили выверенную веками заповедь предков: прежде, чем обучать детей азам грамоты, им следует привить склонность к труду – основе всяческого благополучия. Будут у младших Никитинских гувернантки, беседующие на чистейшем английском, и преподаватели музыки, но наряду с тем – папины задания, от которых к вечеру болят спины и руки.

Николай Яковлевич и сам вполне мог бы отойти от многих дел, связанных с ведением каталогов, перепиской с заказчиками и прочими атрибутами сложной селекционной работы. Достаточно было б, по нынешним понятиям, вести общее руководство. Управляющий в усадьбе был и садовод. Но агрономов Никитинский не держал, предпочитая делать эту работу вдвоем с женой. И успевал не только выводить новые сорта картофеля, но и проектировать новый дом, и участвовать в рысисных испытаниях своих скакунов, и устраивать фейерверки в честь приезда гостей. Такие и становятся королями, не наследуя корону, а завоевывая ее истовой страстью подвижничества, высокоорганизованным трудом.

Еще четыре года назад целы были уникальные подвалы, в которых Н.Я.Никитинскому удавалось хранить образцы картофеля по пять-шесть лет. Кроме хитроумной системы вентиляции, по семейным преданиям, Николай Яковлевич поддерживал там постоянство режима с помощью каких-то растений, культивируемых в темноте подземелья. Эти секреты остались для нас столь же загадочными и непостижимыми, как тайны египетских пирамид.

Подвалы требовали небольшого ремонта, но не нашлось вовремя ни подходящих мастеров, ни материалов, ни представления об истинной ценности того, что пустили на слом.

Едва ли суждено нам скоро подняться до вершин трудолюбия и самоотдачи, которым прославили землю наши предки. Слишком долго отучали ныне живущих от самостоятельности, инициативы и риска, от профессиональной гордости и стремления работать на пределе своих возможностей. Немногие устояли против таких поветрий. Пробуждаемся от спячки тяжело и медленно, как с похмелья.

И все же не убить в человеке извечной тяги к совершенству своих способностей, своих рук. Эта вера живет во мне вместе с надеждой, что грядет век избавления от обезлички, что умножатся на Руси новые короли.

1989 г.

ВСЕМ МИРОМ

Таких вечеров в новом Доме культуры еще не было. У стендов с фотографиями села, снятых много лет назад, встречались бывшие и нынешние старожилы Костино, узнавали друг друга в степенных убеленных сединами лицах, а потом под свист самоваров вспоминали пережитое за столами, накрытыми хрусткими скатертями, где горками высился виноград и среди разнокалиберных чашек красовалась домашняя выпечка. По-домашнему, почти по-семейному откровенным был и общий настрой вечера, посвященного истории родного села.

Долгие годы звучали в сельских клубах лишь речи о революционном, либо военном прошлом, словно более давней истории у нас не было. Так истончалась, уходила в небытие не только память о славных деяниях наших предков, но и традиционное уважение к опыту старших, многовековая культура духовного общения – все то, что не возродишь вдруг согласно новейшей директиве. Плоды забвения пожинаяем с лихвой, уж не дивясь их горечи, и все чаще пытаемся найти в прошлом ответы на самые каверзные вопросы дня нынешнего.

У каждого села – свои знаменитости, свои подвижники, свои легенды о них. Добрыми словами вспоминали на встрече Михаила Никитовича Година, садовода, как говорится, милостью божьей, начинавшего выращивать плодовые деревья в Костино еще до революции, а в последние годы жизни каждую осень привозившего с ВДНХ СССР памятные медали и дипломы. Многие рассказывали о первом своем педагоге, заслуженном учителе РСФСР Сергее Ивановиче Сачкове, редкой луци человека, который мог сам и крышу школы покрыть, и за ночь нарисовать прекрасные декорации для спектакля драмкружка, и добиться, чтобы в селе открыли филиал музыкальной школы...

И все чаще в этот вечер звучала фамилия Никитинского. Говорили о странной участи его бесхозного особняка, о здании построенной им школы для крестьянских детей, где после ремонта предполагалось разместить музей истории села Костино. Оба дома уходили в зиму без отопления, с прохудившимися крышами.

Беда была общая. Это чувствовалось не столько по словам, сколько по интонации каждого, кто обращался к односельчанам. Но ощущалось в голосах и сомнение: «Если б все зависело только от нас...» Каменный особняк – не изба, которую в былые времена селяне помогали возвести погорельцам всем миром – толокой. Иное дело – деревянная школа, которую совхоз обещал покрыть шифером к зиме. Да ведь и здесь не обойтись без толкачей. А кто они?..

В те минуты остро вспомнился Ларин со своей привычкой посидеть- поразмышлять на бугорочке, не спеша потолковать о прошлом. Кто бы мог заподозрить, что в добродушной его натуре зреет потребность в одиночку вступить за ему лично не принадлежавшее. Да поздно, не вернуть Ларина с той дороги, откуда не приходят назад.

Держал ответ перед старожилками и я: что сделано, коль обещал найти для обветшавших зданий более достойных хозяев, чем Миннефтехим. Откровенно говоря, хвалиться было нечем, хоть некоторые вести звучали, вроде бы, обнадеживающе.

Вместе с писателем Анатолием Роговым, купившем избу на соседней излучке Оки, мы обошли немало инстанций: от сельсовета до министерства культуры. И всюду обещали помочь в реставрации особняка Никитинского, в создании там музея народного творчества Рязанской области. Лучшего консультанта, чем Рогов, будущему музею не стоило и искать. Героями большинства его книг являются талантливые русские умельцы, владеющие и деревянной резьбой да лаковыми красками, и гончарным кругом да коклюшками...

После долгих хлопот Миннефтехиму было отказано в организации профилактория на базе бывшей усадьбы Никитинского: представленный проект застройки с коробкой панельной многоэтажки нарушал целостность охраняемого законом памятника старинной архитектуры. Дело, как будто, оставалось за малым: передать особняк на баланс Рязанского управления

культуры и открыть финансовый счет на реставрацию. Однако письменного подтверждения об отказе ведомства от намеченных планов еще не было, так же, как и официального согласия Рязани взять на себя ответственность за судьбу здания. По сути, ничего не было, кроме устных заверений.

Бывалые, умудренные годами люди восприняли эту информацию, как мне показалось, без иллюзий. Но в их обращении к землякам сквозила надежда:

«Мы, участники встречи, очень обеспокоены состоянием бывшей усадьбы Никитинских, которая является памятником истории и культуры республиканского значения. . . . Многие из того, что было разрушено здесь, трудно вернуть, но нельзя допустить, чтобы окончательно сгинула оставшаяся старина. Это не только память о прошлом наших предков, земли, на которой живем, это наша Костинская святыня.

Мы призываем всех бывших и нынешних односельчан, всем, кому дороги памятники земли нашей, приложить усилия к тому, чтобы восстановить их. По старой русской традиции принято возрождать утраченное всем миром. Будем считать, что таким пожаром были минувшие годы нашего равнодушия.

Предлагаем методом народной стройки, путем воскресников восстановить в первую очередь здание бывшей начальной школы, где намечено организовать музей истории нашего села. Вопрос о судьбе главного дома усадьбы сейчас решается в областных и республиканских органах».

Сидя дома у прогорающей печи и вспоминая строки этого обращения, я думал: «Хорошо, что старожилы поддержали начинания, не сулящие им ничего, кроме хлопот. Но будут ли эти хлопоты? Кто из местных жителей всерьез возьмется быть «толкачом», пока не появятся платные должности в музее?»

Много потрудились, организуя памятный вечер, директор Дома культуры Петр Петрович Колдашев. С охотой помогли ему и девочки из местного училища. Однако инициатором этой встречи стала все та же живущая в Рязани Татьяна Владимировна Шустова. Не будет ее зимой – едва ли найдется здесь кто-то другой, способный организовать воскресник по ремонту школы.

Легко сказать: восстановим всем миром. . . Мир многолик, разобщен, и людей активных, отзывчивых в нем гораздо меньше, чем хотелось бы видеть. Может быть ходят по Костино будущие помощники наши, да не умеем пока разглядеть и увлечь их?..

х х х

Эти строки были написаны в канун 1989 года. С той поры минуло две зимы. А старинный особняк на окраине Костино все стоит, полураздет, в ожидании мастеров на все руки. Оведают его не только вьюги, но и страсти людские.

Многих взволновала судьба беспризорной усадьбы Никитинских, много речей было сказано в ее защиту, много написано в областной и районной прессе. Но до чего же медленно продвигается само дело под нажимом общественности. Словно в ржавом механизме со скрежетом проворачиваются колеса зубчатой передачи, то замирая, то вновь набирая ход. Оглядываясь на эту тягомотину, не однажды подумалось: сколько же людской энергии бесплодно пожирает во всей державе наша поднаторевшая в передрыгах бюрократическая карусель! Эту бы энергию – да во благо!..

И все же нынешний год – особая веха в переменчивой судьбе усадьбы Никитинских. Решение принято: не музей здесь будет, как намечалось прежде, а центр народного творчества Рязанской и прилегающих областей. Создан он под эгидой Товарищества русских художников и Рязанского облисполкома. Строения усадьбы переданы Центру. Председателем его стал Анатолий Петрович Рогов.

Планы Центра обширны. Первейшая из забот – реконструкция особняка и школы для крестьянских детей, где разместятся творческие мастерские, музей народного искусства, информационная служба. Отдельная экспозиция расскажет об истории села и короле картошки

Николае Яковлевиче Никитинском. Здесь будут проходить творческие встречи и выставки, смотрины, на которых мастера разных ремесел станут состязаться в умении: плести корзины и кружева, лепить изделия из глины, резать по дереву подобно тем костинским мастакам, которые некогда изготовили мебель в особняке Никитинских, украсив ее причудливыми узорами.

Широкая излучка Оки как бы объединяет собой ряд достопримечательных мест на окраине Рязанской Мещеры: комплекс Сергея Есенина в Константинове; только что отреставрированный дом-музей знаменитых певцов братьев Пироговых в Новоселках; экспозицию древней живописи в храме Иоанно Богословского монастыря; центр народного творчества в Костино... Каждый из этих музеев обогатит и дополнит представление о культуре многоликой, щедрой талантами земли Рязанской, а вкупе они составят своеобразное кольцо. Проехать по нему со временем можно будет не только на автобусах, но и на тарантасах, на катерах по Оке.

В планах Центра – обустройство местных источников родниковой воды, каждый из которых стараниями умельцев может превратиться в маленький храм поклонения природе, как это уже стало со Святым источником вблизи Иоанно Богословского монастыря.

В самом Центре туристы смогут купить сувениры, созданные тут же, при них, буклеты, посвященные разным ремеслам и творчеству лучших мастеров. Надеюсь, появится у дороги чайная, где можно будет не только утолить жажду напитками и квасами, приготовленными по давним рецептам, но и увезти их в оригинальных керамических сосудах.

Таковы лишь некоторые из перспектив Центра, призванного объединить мастеров разных школ и поколений, популяризировать их творчество, позаботиться о том, чтобы не исчезли навечно традиции народной культуры. А пока в районном центре зарегистрирован счет, куда поступают первые взносы на реставрацию бывшей усадьбы Никитинских.

Поодиночке такое дело с места не сдвинуть. Только всем миром.

1990 г.

ВСТРЕЧА

Был у меня приятель, из той редкой породы людей, встреча с которыми – как подарок судьбы. Казалось, Юрий Яровой мог делать все на свете: разбираться в сложных чертежах и гранить найденные им в заповедных местах редкие камни; рисовать пейзажи и участвовать в соревнованиях автомобилистов... Дипломы инженера, художника и горного мастера обязывали быть профессионалом в каждом из этих дел. Он обладал великолепной памятью энциклопедиста, позволявшей писать книги по самым разным отраслям знаний. И в то же время умел оставаться простым и деликатным в общении с кем бы то ни было, как истинно интеллигентный человек.

Он «забегал» в гости всякий раз, приезжая в Москву из Свердловска, моторный, синеглазый, улыбочивый, заражая нас стремлением успевать и «прокручивать» все дела как бы на ходу. Помнится, обещал непременно заглянуть и в Костино: побродить по есенинским местам, а, может быть, даже посидеть на берегу Оки с удочкой, что по его понятию, являлось пределом безмятежного отдыха...

Собирался он заехать под Рязань и в то лето, отправляясь в отпуск с женой и Никитой – младшим из трех сыновей. На пустынном плато между Астраханью и Махачкалой где часами можно не увидеть другой машины, подждал Яровых перехлестнувший дорогу, не приметный глазу барханчик. Машину на скорости занесло, ударило о свернувший в сторону встречный грузовик... В живых остался только Никита.

Утрата утрате рознь. Эта была на редкость несправедлива. Не дождался Яровой внуков, хоть очень хотел увидеть в ком-то из них продолженье себя. Юру только-только обогрело признание читателей вкупе с благосклонностью критиков. Он был на взлете дарования, всколыхнувшего в нем множество замыслов и так спешил раскрутить их, словно знал, сколь скупо отмеряно ему жить.

Да простит мне читатель за это отступление, вроде бы никак не связанное с предыдущим рассказом.

Переговоры со строителями, которые должны были начать реставрацию зданий бывшей усадьбы Никитинских, обнаружили, сколь мало мы были осведомлены о ней. Кроме сметы на ремонт особняка, на руках не было ничего: ни контуров усадьбы, нисхемы парка, который намечалось восстановить, ни плана главного здания... Специалистов же, способных квалифицированно выполнить такую работу, не было не только в Рязани, их трудно оказалось найти даже в Москве.

Я собирался позвонить в Рязань, но почта оказалась на замке. Потоптавшись у двери, прошел улицей дальше, и в конце ее, у старой кирпичной постройки, заметил высокого, в спортивной куртке парня с фотоаппаратом наизготовку. Вторая камера покачивалась у него на груди. Ничего примечательного, кроме облупившихся стен и зарослей крапивы, вокруг не было. А парень щелкал кадр за кадром.

Весьма заинтригованный, я спросил, не пресса ли пожаловала к нам. Оказалось, не пресса. Незнакомец коротко взглянул на меня и, в свою очередь любопытствовал о моей фамилии, назвав ее, как оказалось, с подачи районного отдела культуры. Удовлетворенно хмыкнув в ответ, словно именно здесь и назначал мне встречу, представился:

– Илья Яровой.

Что-то дрогнуло во мне, когда, взглядевшись в удлиненные черты лица, узнал я раздумчивую синеву глаз и тонкий рисунок губ:

– Юрьевич?

– Юрьевич, – помедлив, ответил он, не выдав однако своего удивления. И тем самым невольно подтвердил: приехал-таки в Костино Яровой – сын Ярового.

– Я хорошо знал вашего отца.

– Вот как... Вчера было десять лет с того дня...

Со временем к счастливым совпадениям и к внезапным горестям жизни привыкаешь, как к неизбежному, даже обыденному. И все же встречи, подобные этой, невольно заставляют задуматься о тайнствах предначертаний свыше нашего бытия, непредсказуемого, неповторимого в хитросплетениях судеб...

Жена Ильи Таня, худощавая миловидная женщина, встретила нас у двухэтажного, с выбитыми стеклами особняка, где он наносила на ватман контуры здания. Тщательность, с какой был выполнен на чертеже каждый штрих, выдавала руку отнюдь не дилетанта. Хотите верьте, хотите – нет, но Яровые оказались теми самыми специалистами, которые необходимы были для составления плана бывшей усадьбы.

Оставалось поблагодарить областное управление культуры, пригласившее Яровых принять участие в составлении свода памятников культуры Рязанской области. Как посетовал в беседе с Яровыми начальник управления Николай Максимович Астахов, в области детально описано и систематизировано более двухсот археологических объектов, а о заброшенных дворянских особняках и одичавших парковых ансамблях – минимум информации. Не парадокс ли?..

Увы, скорее закономерность. За чаепитием в нашем саду, под перестук опадающих незрелых яблок, Илья и Таня рассказали о том, как едва не вымерла в стране их профессия.

В пятидесятые годы три вуза страны, выпускающие специалистов по ландшафтной архитектуре и садово-парковому искусству, прекратили прием на эти отделения. Чья-то многумудрая голова сочла, что не к лицу советской власти потакать развитию науки, рожденной прихотями аристократов... Лишь три года назад этот запрет был отменен. В результате Москва располагает сейчас дипломированным научным корпусом по садово-парковому искусству в составе одного доктора и трех кандидатов наук. Расклад не на столицу и ее окрестности, а на всю Россию матушку, хоть потребность в таких спецах велика повсюду.

Половина тех титулованных ученых сидела за дощатым, промытым недавним ливнем дождем и поддерживала беседу. Илья – более сдержанно. Таня – с нерастраченным удивлением перед гримасами жизни. Они поженились задолго до окончания Свердловского архитектурного института и после столичной аспирантуры остались в Москве «на птичьих правах». Кандидатская работа Ильи так и называлась: «Пейзажные сады русской провинции».

Потом настал черед моего рассказа. Для гостей ценны оказались любые сведения об усадьбе Никитинских. Дотошность, с которой они вникали в приметы прошлого, живо напомнила мне манеру бесед с Юрой.

О старинном особняке и заброшенном парке над Окой Яровые отзывались с восхищением, по их словам, до сих пор у специалистов «на слуху» были лишь два шедевра паркового искусства в Рязанской области: в Красном и Киричах. Оба они создавались как регулярные. Пейзажный парковый ансамбль в Костино достоин стать третьим в этом ряду и несомненно должен быть возрожден. «Будем трубить о том всем», – как выразился Илья.

Запустенье, ныне царящее здесь, еще выглядит беспроглядным и вечным, как кажется бесконечной зима в глухие февральские ночи. Еще не тронулся лед на Оке, не обозначились даже забереги, всего лишь принесли двое с собой толику животворного тепла, горячего желанья помочь старой усадьбе. Но встреча с ними отозвалась во мне такой же радостью, с какой примечаешь вдруг у сугроба первый подснежник.

1991 г.

ПОКАЯНИЕ

Грешен перед тобой, земля Рязанская. Взялся за гуж – помочь восстановить памятник архитектуры – дом Никитинских в Костино, и не довел обещанное до конца.

Как писал в предыдущих главах, много было хлопот вокруг этого дворянского особняка, оказавшегося в запустении и по сути ставшего бесхозным. Вместе с писателем Анатолием Роговым добились, чтобы отдали дом вместе с прилегающей усадьбой под Центр народного творчества.

Начались эти хлопоты еще до перестройки. А когда настали годы всяческих перемен, отнюдь не благоприятных для создания такого Центра, удалось лишь отчасти отреставрировать старое здание. Заменяли крышу, перекрытия, окна и двери... А на ремонт бывшей школы для крестьянских детей и вовсе не нашлось средств.

Когда-то соратник мой при удобном случае величал нас обоих «отцами основателями» нового дела. Но чем дальше, тем чаще стал вершить дела единовластно. На том мы и расстались. Предоставил директору желанное право распоряжаться будущим Центром одному.

В прежние времена был у Центра в Костино свой сторож, который худо ли, хорошо ли охранял усадьбу от праздношатающейся братии. Потом ставку сократили за неимением средств. И однажды ночью полыхнул дом Никитинских – остались от него одни стены. Как рассказывали сельские, забрались туда в холодную пору ученики местного ПТУ, да разожгли костер, чтобы погреться...

После такой порухи любители ночных бдений избрали местом своих сборищ другой заброшенный дом – бывшую школу для крестьянских детей. Разломали там не только двери и окна, но даже полы и печи. И чтобы не повторила школа судьбу барского дома, распорядились местные власти снести строение.

Так плачевно закончилось дело, которое казалось таким перспективным. Никого не хочу винить в этом бесславном конце. Но с себя не снимаю ответственности за него. Правда, едва ли сумел бы я, оставшись в Правлении, найти средства, чтобы содержать сторожа. Но все равно: как доведется идти мимо сожженной барской усадьбы, словно с неммым укором взирают на меня пустые глазницы ее окон. И маетно оттого на душе.

2000 г.

БЫВАЛЬЩИНА

Кладу из кирпича стену дома и нет-нет да поглядываю, как идут дела у соседа. За травянистой стежкой-дорожкой еще прошлым летом вырос особняк с мезонином. А сейчас Алексей Константинович наводит лоск на стены его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.